

АЛЕКСЕЙ ПОЛИКОВСКИЙ

БРАТЬЯ И СЁСТРЫ

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

АЛЕКСЕЙ ПОЛИКОВСКИЙ

БРАТЯ И СЁСТРЫ

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

НОВАЯ
газета

2011

22 ИЮНЯ

Утром 22 июня 1941 года министр иностранных дел Германии Ульрих Фридрих Вильгельм Иоахим фон Риббентроп, хорошо позавтракав (теплый хлеб, яйцо, мармелад, кофе), надел строгий френч-пиджак с орденом на ленточке и поехал объявлять иностранным дипломатам и прессе о начале войны с Советским Союзом.

Власть надувает саму себя. Она строит для самой себя декорации, чтобы выглядеть значительной на их фоне. Дубовые панели, высокие потолки, портрет подбоченившегося Гитлера, гобелены — все призвано подчеркнуть значение и даже величие блеклого лысеющего бюрократа, читающего по бумажке несколько гладких фраз, пахнущих кровью, смертью, трупным запахом, машинным маслом, смерзшейся землей и промозглым холодом могил.

Через пять лет Риббентропа повесят. В своем последнем слове он будет говорить о «взаимопонимании между Востоком и Западом» и «мире на Земле».

Министр иностранных дел Германии фон Риббентроп утром 22 июня 1941 года в Берлине информирует дипломатический корпус и прессу о начавшемся нападении на Советский Союз.

Немецкие солдаты на реке Буг в Белоруссии, 22 июня 1941 года.

Война началась пять минут назад. В предсветных сумерках немецкая пехота переправляется через реку Буг. Река в этом месте широкая, полноводная, плыть им не менее четверти часа. Солдаты осторожно двигают веслами, тихо плещет вода. Шесть часов назад через Буг вплавь перебрался ефрейтор вермахта Альфред Лисков. Он хотел как можно скорее рассказать советским пограничникам, что на рассвете начнется война. Но у пограничников не было переводчи-

ка. Пока Лискова возили из штаба в штаб и искали переводчика, начало светать. На первом допросе перебежчику не поверили. Во время второго допроса Лискова со стороны границы раздался слитный гул. Это через Буг открыла огонь немецкая артиллерия. Тут по немцам никто не стреляет. Но правее, на востоке, уже идет бой. Там низко стелется черный дым. Возможно, это результаты бомбежки. Медленно восходит маленькое красное солнце — солнце первого дня войны.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

Русские крестьяне, покидающие свою деревню, лето 1941 года.

Крестьяне уходят от немцев. Разгар лета, жара — а мужчина справа в теплой шапке и куртке, женщины в платках и пальто, и даже мальчик, бодро шагающий на заднем плане, в ушанке и маленькой телогреечке. Мужчина тащит на плечах мешок картошки. Молодая женщина связала два деревянных чемодана, перебросила их через плечо... Так и идут посреди тридцатиградусной жары в теплых пальто, с картошкой, чемоданами и тюками. Люди, живущие в глубине страны, еще могут верить в то, что война будет короткой и закончится через два месяца.

Верит в это и Гитлер, в день начала войны давший указание о скором сокращении военного производства и уменьшении численности сухопутных войск. Но крестьяне, которые увидели войну собственными глазами, понимают, что это — надолго. Поэтому и берут с собой все, что могут унести. Знают, что в в ближайшее время они в свои избы не вернутся. Один мой родственник родился в день начала войны в Минске. 28 июня немцы вошли в Минск, а за день до этого новорожденный на руках у своей мамы покинул город. Они ушли из Минска пешком, так же, как эти люди.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

Немцы бомбят Витебск. Видны маленькие белые дома под аккуратными крышами, зелень садов и лента шоссе. Видна колокольня и башенка собора. Ну чисто Google Maps! Но только это не родной мирный хайтек, это кое-что совсем другое: аэрофото-съемка результатов бомбардировки. И уже поднимаются в небо столбы и султаны дыма. Сами самолеты не видны, но это наверняка «Юнкерсы-87», так называемые Stukas: пикирующий бомбардировщик с неубираемым шасси. Летом 1941 года они с воем носились над головами людей и проскочили даже в психику тех, кто родился после войны. Я знаю человека с послевоенным годом рождения, который не может спокойно видеть самолет у себя над головой. Это генетический страх бомбежки.

Бомбардировка Витебска
немецкими военно-воздушными силами
в июне 1941 года.

Разрушенная военная техника и убитые лошади, оставленные Красной армией во время отступления летом 1941 года.

Механизированный корпус Красной армии попал под воздушный удар. В каждом мехкорпусе были артиллерийские тягачи «Комсомолец» и «Коминтерн», тракторы «Сталинец» и «Ворошиловец». Вон они стоят, брошенные, посреди улицы. Бочки вылетели из кузова грузовика и раскатились по земле. Это бочки с дизельным топливом не-

обходимы для дозаправки танков на марше. Теперь танки встанут, их тоже придется бросить. Лошадей жалко. Добрые, терпеливые создания беззащитны против смерти, падающей с летнего неба на их теплые спины. В задранных и окаменевших задних ногах лошадей — все непотребство войны. А по тротуару в тени городских деревьев идет по своим делам спокойный прохожий.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

Немцы входят в деревню. У двоих в руках карабины Маузер 98, у третьего пистолет-пулемет MP 40. На каждом из солдат патронная сумка и сухарная сумка. В сухарной сумке у каждого хлеб, таблетки сухого спирта, горелка, банка консервов, ложка и нож. На головах у них каски, которые на заводе окрашивались так, чтобы не давать отблесков при лунном свете. У того, что в центре, за спиной тяжелый боевой рюкзак, солдат горбится

под его весом. Чем рюкзак набит, я не знаю. Война только началась, обмундирование у немцев пока еще чистое, ботинки крепкие, и стоят солдаты уверенно, как напоказ. А деревенька опустела и молчит. Крыша домика покрыта дранкой, оконная рама порчена временем и потемнела, форточка почти отвалилась. Три ствола глядят в черный прямоугольник двери этого бедного домика. Оттуда ни звука.

Немецкие солдаты во время обыска жилого дома в селе.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

Колонна немецких солдат и разрушенный советский танк Т-26, лето 1941 года.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

Танк Т-26 угодил в яму. Люки подняты. Экипаж вылез из танка и ушел.

Обо всем остальном можно только гадать. Может быть, эту яму в последнюю предвоенную неделю вырыли рабочие да так и бросили. А может, это воронка от бомбы. Крупная тогда была бомба. А как попал в яму танк? Несся сломя голову и не ожидал преграды? Или экипаж умышленно загнал его сюда, прежде чем бросить? Таких фотографий лета 1941 года существует множество. На них брошенные на шоссе, замершие по обочинам, уто-

пленные в реках, затихшие в полях подсолнуха танки БТ, Т-35 и Т-26. Десятки, сотни танков с поднятыми люками. Где-то за лесом и полем разворачивает для контрудара свою конно-механизованную группу генерал-лейтенант Иван Болдин. После войны он напишет, что танки Т-26 были годны только на то, чтобы стрелять по воробьям. Немецкая колонна встала. Мотоциклисты спрыгнули с мотоциклов и пошли смотреть, как объехать. По обочине пылит автомобиль с офицерами. Немцы наступают неудержимо. Контрудар группы Болдина провалится.

Советские солдаты, сдающиеся в плен на территории Белоруссии, лето 1941 года.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

Так начинается плен. Без оружия, с поднятыми руками, красноармейцы выходят из придорожного кустарника, где спрятались, услышав немецкую речь.

Это одна из бесчисленных разрозненных групп и группок, на которые в июле 1941 года распались полки и дивизии Красной армии. Выходят из кустов младший командир в фуражке и рядовые в пилотках, все с суровыми и мрачными лицами. Сейчас их сольют в одну колонну с другими пленными и погонят на запад. Они будут идти без воды и еды десятки километров, а по дороге мимо них будут

двигаться на восток немецкие танки, немецкие грузовики, немецкая пехота в пешем строю, с презрительным пренебрежением поглядывающая на пленных, и немецкие мотоциклисты на тяжелых машинах с колясками, проносья, будут обдавать их пылью.

Их пригонят в лагерь, называемый немцами Дулаг. Это несколько гектаров поля, обнесенного колючей проволокой. А за проволокой переливающаяся, бурлящая, перетекающая масса людей в бурых неподпоясанных гимнастерках, в грязных обмотках, в разбитых сапогах, в растегнутых шинелях.

Коллективная фотография немецких военнослужащих около школьной доски с надписью «Русские должны умереть, чтобы мы жили».

Хорошим солнечным днем 2 октября 1941 года в шестой роте состоялся серьезный разговор. Старшие товарищи — командир роты, члены партии — в очередной раз объяснили важные вещи: война ведется за жизненное пространство для немецкого народа; враг, этот азиатско-еврейский выродок, хитер и жесток; комиссаров, попавших в плен, следует незамедлительно отделять от других пленных и передавать в руки особых команд, которые знают, что делать. 10 октября, через восемь дней после собрания в шестой роте, фельдмаршал Рейхенау издаст приказ под названием «Verhalten der Truppe im Ostraum» («Поведение войск на Востоке»). В приказе, занявшем две странички, фельдмаршал скажет и о «еврейско-большевистской системе»,

и об «искоренении азиатского влияния на европейскую культуру». Но это так, преамбула. Дальше по делу. Если полевые кухни армейских частей кормят население или пленных, не занятых на полезных для Германии работах, то это — «плохо понятая человечность». Хорошо понятая человечность немецкого солдата состоит в том, чтобы не иметь жалости и убивать. Давать же пленным сигареты и хлеб означает расхищать то, что родина с таким трудом дает солдату. Троицким, сидящим у школьной доски, и остальным, с веселыми лицами стоящим чуть подале, приказ Рейхенау не нужен. Они и без того в курсе политики. Они написали на доске мелом: «Русский должен умереть, чтобы мы жили». Подписались поименно и стоят, улыбаются.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

Солдаты немецкой пехоты на территории СССР, лето 1941 года.

Вот они идут, эти хорошо откормленные, здоровые, отлично снаряженные, превосходно обученные, правильно воспитанные в духе любви к родине и фюреру немецкие парни. Тот, что справа, суров, как и подобает тевтону, а тот, что слева, глядит в жаркое небо войны с легкой полуулыбкой, словно предвидит в ближайшем будущем романтические приключения на бескрайних скифских полях. Все у вас будет, ребята. Через полгода амбал, что справа, будет ходить укутанный в женское пальто под Москвой,

получит обморожение ног, а потом и пулю в лоб, которой снабдит его сибирский охотник в белом маскхалате, бесшумно вынырнувший из метели на коротких лыжах. Романтический воин слева будет смиренно просить папиросу у советского лейтенанта, который подойдет к группе пленных в степи за Волгой. Долговязый, что во втором ряду, попадет под танк. Лысеющий, бритый, с расстегнутым воротом, нарвется на мину, и от него останется только его короткая, толстая, обутая в модный военный ботинок арийская нога. Ее похоронят на Украине.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

КОМБАТ

Альперт М., ИТАР-ТАСС/Архив, 1942 г.

Фотограф Макс Альперт сидел в неглубоком окопчике, когда началась атака. День был летний, знойный, жаркий. Когда фигура офицера возникла на фоне неба, фотограф едва успел поднять объектив и нажать на спуск. Тут же рядом что-то грохнуло, раздался крик: «Комбат убит!», и по спине фотографа забарабанили комья земли. Потом фотограф Альперт сумел из разбитой камеры осторожно вынуть пленку. Кадр с комбатом, поднимающим бойцов в атаку, оказался цел.

Я знаю это фото с детства. В советское время фотография называлась «Коммунисты, вперед!» Я так думаю, что это название дали ей в редакции, а сам Альперт говорил, что назвал это фото просто «Комбат». Что там кричит молодой офицер, поднимая солдат в атаку на поле около деревни Хорошее Луганской области — точно уже не установишь. Может: «За Родину! За Сталина!» Может: «Встали все!», и дальше по матерному. Но скорее всего — посмотрите на его губы — он кричит только одно слово: «Ура!»

Фотография потрясающая. Она черно-белая, но каким-то таинственным образом вмещает в себя то, что вмещать не может: цвет. Чувствуешь густую синь неба. Видишь ослепительный блеск солнечных лучей на пистолете. И даже идущий снизу жаркий запах травы ощущаешь. Как передано движение, как на фоне неба встает эта рельефная, сильная фигура в гимнастерке! Сжатый кулак левой руки и пистолет в поднятой правой — какая пронзающая диагональ. И как много безграничного, спокойного неба в этой фотографии, снятой за мгновение до хрипа, мата, тяжелого падения тела, крови и смерти.

Фотограф Макс Альперт не знал имени офицера, которого сфотографировал. Ходить по этому полю с блокнотиком и спрашивать имена он не мог. Он считал, что это командир батальона. Потом, после войны, он стал получать десятки и сотни писем от людей, которые узнавали в молодом офицере своего отца, брата, сына, друга. Безымянный комбат со скуластым русским лицом в этих письмах получал

сотни разных имен и фамилий. В рассказах людей он был уроженцем Москвы и Свердловска, крестьянином из-под Пскова и студентом из Уфы, кадровым военным из Казани и призванным в армию учителем из Ленинграда. Были люди, которые играли с ним до войны в футбол, ходили с ним в кино, служили с ним в одной части и даже видели его умирающим на том летнем поле раскаленным днем 1942 года. И если взять всю сумму того, что писали фотографу Альперту люди, то выходило, что на его фото был какой-то всеобщий, всесоветский комбат, состоявший в родстве с тысячами людей и бывший другом тоже тысячам.

Была создана комиссия Минобороны, которая определила, что на фото не командир одного из батальонов 220-го стрелкового полка 4-ой стрелковой дивизии, как думал фотограф Альперт, а младший политрук Алексей Еременко. Но не все с этим согласились. По этому небольшому черно-белому фото ползали, изучая каждый его миллиметр, лупы многих исследователей. Одни утверждали, что офицер не может быть политруком, потому что у политруков не было таких знаков различия на петлицах. Другие утверждали, что это не армейский офицер, а офицер погранвойск или дивизии НКВД. Третьи говорили, что это и вовсе не младший политрук Еременко, потому что похоронка на Еременко пришла в январе 1942 года, то есть за полгода до того момента, как фотограф Макс Альперт в своем неглубоком, маленьком окопчике нажал на спуск. Так кто же тогда?

Пусть нет с последней точностью установленных имени и фамилии, пусть не слышно, какие слова кричит, пусть непонятно, в каком звании... сколько кубиков на петлицах... где похоронка... кому пришла... чьи друзья дали из винтовок последний салют у свеженасыпанного холмика... и какая женщина после войны вышла за другого. Пусть ничего этого неизвестно, и пусть вообще мы ничего не знаем о человеке в пилотке, который на наших глазах рванул пистолет с бедра и полуобернулся в крике. Главное мы все равно знаем.

Молодой офицер Красной армии поднимает солдат в атаку. Через несколько мгновений он будет убит.

Гаранин А., ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

Все удалось вставить фотографу в этот кадр. Во-первых, страна. Она узнаваема с первого взгляда. Этот лес, на него достаточно взглянуть, и ты уже в нем. Во-вторых, дорога, этот сухой летний проселок между высоких деревьев, ведущий к станции, на которую каждый из нас хоть раз

в жизни приезжал вечерней электричкой. Посмотрите, как плавно вздымается дорога впереди, чтобы потом снова уйти вниз. А еще обратите внимание на левый край кадра. Там за столбом с плакатом виден штакетник забора. За ним высокая береза с богатой листвой, дальше угадывается в тени дерева старый дачный дом.

Ненарушаемая тишина леса, тихий уют дачного поселка, старые дома с этажерками, на которых, покосившись, стоят старые журналы, террасы, на которых еще недавно милые люди пили чай в семейном кругу, ощущение мира и счастья — и колонна солдат в полной амуниции, в касках, со скатками и штыками, шагающая на войну.

В фотографии настолько четко и ясно выражена идея, что невольно возникает мысль о том, что кадр постановочный. Не будем лицемерить: в истории войны и фотододела есть примеры того, как иногда делались знаменитые и не очень знаменитые кадры.

Василий Сталин однажды бомбил большое поле неподалеку от Москвы, а знаменитый режиссер снимал это как фронтовую бомбежку. Форсирование Днепра группа фотографов снимала на пруду. Специально выделенные бойцы переплывали пруд на лодках и плотках не под звуки огня, а под звуки щелкающих фотокамер. Были и фотографы, которые всегда имели при себе свой собственный реквизит: трофейный пистолет, трофейный автомат, трофейную каску. Они раскладывали эти вещи, чтобы оживить кадр, сделать его более «военным». Известно и имя фотографа, который зимой возил в кузове приданной ему полторки два замерзших немецких трупа и в нужный момент выкладывал их на пленэр. Другой знаменитый фотограф чуть ли не всю войну возил с собой тяжелое красное знамя, позаимствованное в красном уголке ЖЭКа или в парткоме фабрики.

Но даже если фотограф, сделавший этот потрясающий кадр, заранее знал, что сейчас здесь пойдет колонна, и быстрыми ударами позаимствованного у хозяев дачи молотка

приколотил к столбу заранее припасенный плакат, это ничего не меняет. Обмана в кадре нет. Тысячи людей повторяли написанные на плакате слова про себя и вслух. Фотограф просто сделал зримыми мысли людей.

Эти слова сказал Молотов, выступая с обращением к советскому народу в 12 часов дня 22 июня 1941 года. Как удалось этому закоренелому сталинскому бюрократу, пропахшему интригами и подлостью, всю жизнь проведенную в затхлой атмосфере номенклатуры, этому обладателю ничего не выражающего лица, которое некоторые сравнивали с совсем другой частью тела, найти такие единственно точные, прямые и простые слова, — я не знаю. Но он сумел. Скорее всего, он написал свое выступление сам, а потом обсуждал текст со Сталиным. Слова эти, в их четкой, суровой простоте, оказались написанными не только на фанерном плакатике в подмосковном лесу — подобно библейским письменам, они оказались написанными горящими буквами в сознании людей и в самой истории.

Колонна шагает по проселочной дороге мимо столба с немудреной фанеркой, на которой большими печатными буквами написаны самые правильные слова в мире. Я там не был, я в то время не жил, я не стоял у репродуктора с закинутым вверх лицом и Молотова не слышал. Но я все это знаю какой-то глубинной, неличной памятью. Все здесь, на этой фотографии, понятно и до потрясения, до ужаса знакомо: четкий шаг солдат, движение правой руки командира на широком, ритмичном шагу, высокое летнее небо и даже серое дерево телеграфного столба, стоящего на обочине.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Летом 1941 года молодой офицер учит бойцов из батальона народного ополчения Ленинского района города Москвы правильным приемам штыкового боя. Деревяшки с ветками, стоящие посреди поля, изображают немцев. Сам офицер с осиновым дрыном становится позади то одной деревяшки, то другой, и тогда они оживают, начинают сопротивляться острому штыку красноармейца.

Восемь солдат стоят в строю, а девятый бежит в штыковую атаку, стараясь увернуться от дрына в руках лейтенанта и воображая перед собой фашиста. Дисциплина на маленьких учениях образцово-показательная. Ополченцы стоят по команде «смирно», винтовки у ноги, штыки примкнуты, форма новенькая, все пуговицы застегнуты, воротники под горло, и сами они, эти солдатики, тоже какие-то совсем новенькие, еще не тронутые и не побитые войной. Лейтенант

ИТАР-ТАСС/Архив РГКФФД, 1941 г.

учит их по-суворовски бить врага штыком, но на лицах у них нет того молодецкого веселья, которое предполагает, что мы побьем врага в два месяца и на его территории. Посмотрите на них, в их позах есть что-то замороженное, а в лицах напряжение, граничащее с печалью.

На фотографии лета 1941 года девять солдат и офицер. Мы ничего не знаем про них, ни имен, ни фамилий, ни мест рождения, ни мест смерти. Близкой смерти. Потому что у людей маленького подразделения, отрабатывающих штыковой удар в тот момент, когда немецкие танки вот-вот появятся на горизонте, могут быть только две судьбы: смерть в первом же бою или долгое отступление через леса, поля и окружения.

Перед младшим офицером, упорно тренирующим своих солдат для штыкового боя, скоро встанет вопрос, который стоял перед всеми офицерами, вплоть до высших, попавшими в окружение. Драться в кольцо до конца или выходить? Генералы решали эту задачу по-разному. Генерал Лукин под Смоленском остался в окружении и дрался до самого конца. Немцы взяли его в плен в бессознательном состоянии, и немецкие врачи ампутировали тяжело раненному генералу руку и ногу. Уже после войны инвалид генерал Лукин, вернувшийся из плена, прошедший все проверки, живший в нищете, упрекал командующего фронтом Конева за то, что он со своим штабом вышел из окружения, вместо того чтобы остаться в нем и организовать правильные боевые действия внутри огромного кольца.

У каждого отступавшего и у каждого выходившего из окружения своя история. Я не выдумываю их, эти истории, которые вы прочтете на страницах этой книги. Все, что вы читаете здесь о том, что было с людьми, было с ними действительно. Тут нет никакой фантазии, тут только факты.

Одному офицеру (выбрав его потому, что он здоровее всех) поручили выносить из окружения сейф с документами полка. Я не знаю, так ли нужен был этот сейф, но офицер, обливаясь потом, тащил его долгие километры, до тех пор, пока за ним в чистом поле не увязался неизвестно откуда взявшийся любопытный немец. Тоже здоровенный, с автоматом. Для немца это был вид охоты, вроде охоты за подбитым на одно крыло, прыгающим по полю фазаном. А может, он просто никак не мог понять, зачем русский тащит по полю сейф. Как бы там ни было, он шел за человеком с сейфом и постреливал ему под ноги, и тогда наш офицер, взмокший и от сейфа, и от немца, и от солнцепека, скатился по откосу к реке, швырнул сейф на землю и с пистолетом в руке рванул назад, навстречу немцу...

А другой офицер, отступавший от самой границы, остановился со своим сводным отрядом, сколоченным из створевших танкистов, сбитых летчиков и отбившихся от частей пехотинцев, переночевать в избе, где гостеприимный веселый хозяин угощал их на славу. Он, этот хозяин, хорошо устроился в своей избе на краю леса. Все у него там было, консервы, галеты и даже шоколад. Откуда? Хозяин, посмеиваясь, объяснил, что дезертировал из Красной армии — да и не дезертировал даже, а просто тихо ушел домой, тем паче дом был совсем рядом, и прихватил с собой подводу с запасами. Хозяин был мужик здоровый, бойкий, в синей жилетке и рубашке в маленький цветочек. Вокруг были немцы, и он не боялся этих изможденных, с темными лицами, людей. Он же их кормил, им помогал. Вечером все легли спать, а утром, встав раньше всех, молодой офицер, отступавший от самой границы, без единого звука, четко и быстро зарезал ножом спящего на мягких перинах гостеприимного хозяина.

Грановский Н., ИТАР-ТАСС/Архив, 1941 г.

НЕБО НАСКВОЗЬ

Два символа страны, две великих вещи эпохи больших свершений и большого террора встретились в одном кадре. Справа смотрит в тревожное небо осени 1941 года зенитное орудие 52 к — знаменитая зенитка образца 1939 года. Слева возносятся серп и молот во все то же угрюмое, покрытое клубящи-

мися тучами небо Рабочий и Колхозница — две фигуры, символизирующие мощь и гордость Советского Союза. Зенитное орудие калибра 85 мм создал на подлипкинском заводе № 8 конструктор Михаил Логинов. Логинов был фанат артиллерии, маньяк артиллерии, ценитель и любитель артиллерии; в его жизни не существовало никаких других

интересов, кроме пушек. Он начинал слесарем на артиллерийском заводе и дошел до должности не просто главного конструктора завода, а крупного деятеля молодого советского ВПК и идейного лидера в создании и производстве самых современных орудий. Его подлипкинский завод производил пушек больше, чем все другие заводы в СССР, и это были новые, первоклассные пушки, предназначенные не для прошлой, а для будущей войны. Одной из таких пушек и была 52 к, созданная точно в срок и поступившая в войска без опозданий, за два года до начала войны, которую Логинов предчувствовал. К лету 1941 года в войсках было 2630 зенитных орудий 52к — на 344 больше, чем предусматривалось мобилизационным планом!

Если бы все заводы страны работали, как подлипкинский, и все конструкторы обладали таким же прозорливым взглядом в будущее, как Логинов, то Красная армия в первые же дни войны обрушила бы на немцев лавину артиллерийского огня. Но в летние и осенние месяцы 1941 года противотанковых пушек, от производства которых Логинов отказался в пользу других заводов, не хватало, и нечем было останавливать немецкие танки, разрезавшие оборону на главных направлениях. Поэтому у зенитки Логинова, предназначенной стрелять по самолетам, опускали ствол и превращали ее в противотанковое орудие. Это было страшное по силе орудие, которое своим бронебойным девятикилограммовым снарядом пробивало броню немецких танков с километрового расстояния. Сам Логинов этого уже увидеть не мог: он умер осенью 1940 года в санатории в Мисхоре, куда был отправлен на лечение внезапно открывшегося туберкулеза. До 38 лет он не дожил чуть меньше месяца. Болезнь была следствием нелегкой жизни, непрерывной работы на износ и страшного нервного напряжения, в котором жил конструктор.

Скульптор Вера Мухина вылепила своих Рабочего и Колхозницу из гипса, а потом медники выколачивали части фигур из стали. Вслед за тем сварщики точечной сваркой

варили стальные листы. Футуристическими были не только две эти могучие фигуры, на широком шагу вздымающиеся орудия рабоче-крестьянского труда, футуристическим был и материал, выбранный для их изготовления. Это была нержавеющая сталь толщиной в полмиллиметра и миллиметр. Время глобализации еще не наступило, и тогдашние инженеры и конструкторы очень хорошо понимали выражение «Сделано в СССР». Вся огромная скульптура Мухиной сделана в СССР — от идеи до исполнения, от замысла до последней из тысяч заклепок все создавалось здесь, в московской студии скульптора и на заводе «Стальмост», под веющими красными флагами, в треске и шуме политических процессов, в восторге по поводу новых рекордов авиации, в воздухе огромной, тяжелой, кровавой, великой эпохи.

И зенитка Логинова, и Рабочий и Колхозница Мухиной устремлены вверх и смотрят в небо. Это не случайно. Это вещи богоборцев, которые посягают на высшие сферы. Эти отливающие суровым серебром фигуры высотой 24 метра не просто несут серп и молот, они поднимают орудия труда в высь небес, чтобы утвердить их там вместо креста и полумесяца. Эти фигуры с простыми лицами новых людей, с огромными руками и ногами — истуканы новой эпохи, которая поставила силу выше мысли, веру выше истины и требовала от человека полного подчинения божеству в Кремле и закостеневшей догме в красно-коричневом переплете. Да и не нужен был человек, это слабое, мягкое существо из ранимой плоти и текучей крови, новой стране и новой эпохе, которая торжествовала в железном шаге своих полков и собиралась быть вечной. Им нужны были вот такие титаны с мускулами из стали, под пятой которых трещат обломки никчемных прошлых формаций и эпох. Им нужны были вот такие могучие фигуры с пустыми железными глазами, вызывающими мысль о слепоте, и тяжелые пушки с длинными стволами, способные простреливать небо насквозь.

ГРАНАТА

Мы не знаем, где находится это поле с высокой травой, каковы координаты тощего кустика с веткой, облепленной ягодами, где растет низкий густой перелесок, состоящий из молодых берез и осин. Мы не знаем также, где

именно распахнулось над головой белое выцветшее небо в легких облаках. Место съемки неизвестно. Но совершенно точно мы знаем, что это русская средняя полоса. Угадывается день позднего лета или ранней осени. Ягоды на тонких ветках кустарника уже сморщились. При-

глядишься и видишь там, у земли, сухие стебли, дикую траву, ощущаешь идущий снизу густой дух распаренной в полдень земли.

Неизвестно имя пехотинца, который, припав к земле, размахивается, чтобы бросить гранату.

Это офицер, в левой его руке, едва видной в траве, пистолет. Солдат был бы с винтовкой. Погон на плечах нет, их еще не ввели. Значит, это первое или второе лето войны, когда немец наступает. Вот в перелеске уже слышны их громкие, не таящиеся голоса, слышны даже их шаги, и вот они появляются из-за деревьев, пугающе-близкие, в незнакомой серой форме, в касках грубых и наглых очертаний, с автоматами поперек груди и с карабинами в руках. И пехотинец в новенькой советской каске, на которой нет ни царапинки и ни вмятинки, размахивается, чтобы бросить гранату и вступить в свой первый в жизни бой.

Возможно, это случайное, не предусмотренное никакими штабными планами столкновение. Одни теплым солнечным днем шли по полю во весь рост, не таясь, переговариваясь и балагурия, а другие лежали в траве, на теплой земле, во время короткого привала после долгого отступления. Не видно окопов, хотя бы мелких. Не видно других бойцов, а обычно при съемках боя в кадр обязательно попадает чья-то бегущая нога или пригнувшаяся спина. Это безлюдье вокруг заставляет предположить, что наших в поле немного, два-три человека. Кто-то в этот момент лежит в траве и с бьющимся сердцем, прищурив левый глаз, уже видит в прицеле широкую серую грудь немецкого ефрейтора-балагура, шагающего с расстегнутым воротом.

В старых фотографиях, сделанных в годы войны, все показано очень ясно и очень четко. Есть свои и есть чужие. Оpozнaвание происходит мгновенно. Достаточно одной детали, чтобы ощутить грубую враждебность чужих и родную близость своих. Например, каски. Их силуэты знако-

мы мне с детства, хотя у меня не было военного детства. Но я знаю тупой силуэт немецкой каски так, словно тысячи раз видел его. Он кажется мне отталкивающим. И совершенно так же я знаю плавный силуэт нашей каски. Немецкая каска всем своим видом вопит о том, что ее носитель враг и пришел нас убивать. Наша каска всем своим видом говорит о том, что мы хорошие люди и нам есть что защищать.

В руке у советского пехотинца ручная противопехотная граната РГД-33. Как отчетливо видны ее донышко и ребристая оболочка! Это так называемые насечки оборонительного чехла. Радиус поражаемой зоны у гранаты с оборонительным чехлом 25 метров. Сейчас пехотинец бросит ее, она полетит, кувыряясь в светлом воздухе позднего лета, упадет под чьи-то немецкие ноги и ровно через четыре секунды рванет всеми своими 140 граммами тротила.

Такие гранаты изготавливались миллионами на сотнях заводов, фабрик и маленьких кустарных мастерских (а запалы к ним — на пуговичных фабриках). Это не самолет, где нужны сложные чертежи и тщательный присмотр инженера, это не танк, при производстве которого необходимы навыки и станки; эту гранату, примитивную в своей конструкции, могли сварганить любой металлоремонт и любая артель инвалидов. Размеры и пропорции при этом не обязательно соблюдались. Граната, приходящая на фронт из бывшего цеха по производству навесных замков в городе Кинешме, могла иметь более длинную ручку, чем такая же граната, сделанная в холодном фабричном подвале в городе Александрове. И насечки у гранаты могли быть разные по рисунку. А вместо оборонительной рубашки за неимением металла могли накрутить колючую проволоку. И все-таки это была она, узнаваемая с первого взгляда, привычная миллионам солдат, всем на фронте знакомая РГД-33, длинная ручка которой так удобно ложится в ладонь.

Темин В., ГАРФ, 1941 г.

ГРАНАТА

«Военный альбом», 1941 г.

СОЛДАТ

Рядовой Овчаренко ехал лесом на телеге с боеприпасами, когда вдруг по проселку его нагнали два грузовика с немцами. Из кабины вышел серый офицер. Двадцатидвухлетний крестьянский сын Овчаренко до сего дня ни разу в жизни не видел немцев. Он стоял с винтовкой в руках, глядя в недоумении и на офицера, и на непривычного вида машины, и на странные каски на головах у тех, чужих, сидящих в кузове. Офицер подошел к Овчаренко, вынул у него винтовку из рук и что-то сказал на своем непонятном языке. Тут русоволосый дюжий парень вспомнил, кто он и где, сунул руку под борт телеги, выдернул топор и ударом с двух рук — так раскалывают с хакающим выдохом полешко — разбил немцу голову. А вслед за тем, выхватив из телеги три гранаты, пошвырял их под брезент, в кузова грузовиков.

Рядовому Овчаренко за этот подвиг присвоили звание Героя Советского Союза. Есть и донесение с описанием события, подписанное командующим Южным фронтом генерал-лейтенантом Рябышевым. Но когда я недавно рассказал об этом происшествии одному умному и интеллигентному человеку, то получил в ответ: «Не верю!»

Вот в летчика Горовца, сбившего в одном бою девять немецких самолетов, — верит. В артиллериста Кольчака, в одном бою уничтожившего четыре немецких танка (два из них в одиночку), верит. В другого летчика, Девятаева, угнавшего у немцев самолет, верит. А в красноармейца Овчаренко, зарубившего топором двух немецких офицеров (да, двух; он потом еще одного на огороде догнал) и взорвавшего гранатами два грузовика, — не верит.

Где же тут, в рассказах о войне, проходит грань между возможным и бывшим? Между тем, что способен совершить человек, и тем, на что он ни при каких условиях не способен? Между страшным и смешным? Между жизнью и смертью? Между неправдоподобием правды и правдоподобием лжи? Чем больше узнаешь про ту войну, тем сильнее понимаешь, что в этом четырехлетнем эпохальном событии, вовлекшем в себя миллионы людей и тысячи единиц ревушей, стреляющей, громящей техники, могло быть все: воз-

можное и невозможное, вероятное и невероятное, закономерное и случайное. Я знаю устную историю об одном человеке, который тихим вечером выбрался из окопа и уселся под кустиком... тут прилетела мина и оторвала ему голову. Я знаю другую историю, про другого человека, которого спасла от осколка металлическая пластинка, щегольства ради засунутая в погон. Я знаю еще одну историю, про то, как в прифронтовом лесу встретились две шедшие гуськом разведгруппы, наша и немецкая, обе в маскхалатах, и после секундного замешательства разошлись на параллельных курсах: вы в наш тыл, мы в ваш, у вас своя задача, у нас своя. Все это могло быть или было? Выдумка или правда? Эпос или анекдот?

Самые удивительные события происходили во время войны, как героические, так и юмористические. Например, в параде белорусских партизан 16 июля 1944 года на минском ипподроме принимал участие козел Малыш. Он провел год в партизанском отряде и много раз рисковал вместе с партизанами жизнью под немецким огнем. На параде, мимо трибуны с огромным портретом Сталина и стоящими с ладонью у фуражки офицерами, козел Малыш шел в черных очках, с санитарной сумкой на боку и лентой с немецкими орденами на шее. Вы в это верите? На самом деле, все равно, верите вы в это или нет, потому что козел, торжественно шествующий на параде, — факт.

Рядовой Овчаренко, зарубивший топором немца, погиб в январе 1945 года. Фотографии его я найти не смог. Но зато есть другая фотография другого солдата, сделанная неизвестным мне фотографом. Фото сделано до 1943 года — погон нет. Он едет на фронт в вагоне-теплушке. Устроился неплохо: открытая банка консервов на полу, кусок черного хлеба в руке. Может, и выпил. И веселится вовсю, изображая крутость воюки: перепоясался пулеметными лентами, как матрос гражданской войны, повесил на грудь бинокль, а на пояс клинок. До победы далеко, но этот парень не унывает и не трусит. Он удобно устроится в кузове, покемарит в окопе, попьет чайку под артогнем и водочки по случаю праздника. Он победит в войне.

ПЛЕННЫЙ

В конце мая 1942 года полковник Красной армии сидит за колючей проволокой на траве в поле под городком Барвенки и третьи сутки ждет, сам не зная, чего.

Ему теперь все время придется ждать. Ждать, куда погонят. Ждать, чтоб дали поесть. Ждать, чтобы дали воды. Ждать конца дня, чтобы наконец завернуться в старую, обтрепанную шинель, лечь на землю и закрыть глаза, прячась от всего, что вокруг, в тяжелый, муторный сон.

Прежде всего его ждет Дулаг. Дулаг — это Durchgangslager, переходник, или фильтр. Там офицеров отделяют от рядовых, евреев и комиссаров от всех остальных. Затем рядовые идут в Шталаг, а офицеры в Офлаг. Но разница небольшая.

Это снова будет поле, обнесенное колючей проволокой. Первые дни и ночи они будут растерянно толпиться на этом поле, бродить туда и сюда, все эти давно не мывшиеся, обросшие, небритые мужчины в распоясанных гимнастерках, в истоптанных сапогах, в черных от грязи обмотках. Потом кто-то начнет рыть норы, чтобы было куда залезть на ночь. И — голод. 150 грамм хлеба и 50 грамм сухого пшена в день — все, что положено пленному. Но может быть и так, что даже этого им не дадут. И тогда люди, обнесенные колючей проволокой в чистом поле, становятся на четвереньки и едят траву. Ели бы и ремни, но у пленных ремни отнимают.

Скоро шинель полковника превратится в грязные лохмотья. Сапоги порыжеют. Нижнее белье износится до такой степени, что это будет серая, рваная, пропитанная потом ветошь хуже половой тряпки. Под ногтями на опухших пальцах появятся полукружия черно-синей грязи. Затерянный в толпе других таких же завшивевших полутрупов, слизывающий с коричневой ладони последнее зернышко пшена, бросающий исподлобья быстрые опасливые взгляды на других людей, полковник ощутит себя уже не человеком, а травимым и уничтожае-

мым грызуном, вроде крысы.

Рот полковника замкнется, губы слипнутся, глаза уйдут в глубь черепа, и он разучится говорить. Немой, иногда что-то мычащий, грязный, еще живой человек будет с тоской смотреть в голубое небо Украины. И только в мозгу будет, слабея, все ходить и ходить мысль о том, как же все это так получилось... Наступали. Хорошо наступали. Потом вдруг все повернулось, в небе оказалась только немецкая авиация, и со всех сторон навалились немецкие танки. В деревне Лозовеньки полковник еще мог спастись, если бы примкнул к группе бойцов, которая шла за шестью Т-34. Толпой шли они за танками, вслед за генералом с коричневым, тяжелым лицом. Но полковник выбрал другой путь и другую группу и не угадал. В лесу их окликнули автоматчики в серой форме: «Halt! Hände hoch!» Вскоре он уже шел по обочине дороги в колонне пленных под неуместно веселым, сквозь солнце, дождичком, а на другой стороне дороги бесконечным рядом стояли сожженные полуторки с вывернутыми дверями, брошенные танки с поднятыми люками, перевернутые колесами вверх мотоциклы. Распряженная лошадь задумчиво бродила между раскатившихся с грузовика железных бочек с дизтопливом.

К концу мая 1942 года названия Харькова, Барвенки, Лозовенки исчезли из сводок Информбюро. Наступление на Харьков провалилось. Три армии сгинули в котле за три дня, и гибель их была покрыта молчанием. В котле погибли два командующих армиями и командующий армейской группой. 240 тысяч человек и среди них вот этот полковник в истрепанной шинели очутились на обнесенных колючей проволокой полях. И они жадно грызли свои куцые куски хлеба, боязливо смотрели на немцев, скучающих на вышках, таили в глазах тоску, мечтали о еде, о женах, о детях, о родных городах, о горячей воде в большом тазу, о куске хозяйственного мыла, о чистых портянках.

«Военный альбом», 1942 г.

РАЗВЕДЧИКИ

Разведчики вернулись из немецкого тыла. Это май 1942 года, Юго-Западный фронт. В центре кадра, в ушанке набекрень, стоит разведчик по фамилии Саморалов, а имени его до нас не дошло. От остальных не дошло и фамилий. Саморалов объясняет деловито, что они там, в немецком тылу, видели. Вокруг них собрались офицеры, которым эти сведения нуж-

ны как воздух, собрались солдаты, чтобы поглазеть на этих суровых, особых, чуть загадочных и легендарных людей. Эти мужики с резкими лицами, в ушанках и телогрейках — штучный военный товар. При отборе людей из маршевых рот офицеры-разведчики имеют преимущество выбора. Есть приказ Сталина, в котором сказано, что разведчиков нельзя использовать в общевойсковом бою, нельзя затыкать ими

дыры в обороне и посылать в атаку на близлежащую высоту. Их следует беречь, этих профессионалов далеких поисков, ночных рейдов и молниеносных захватов. Без них армия слепнет, теряет противника, оказывается в тумане сомнения и неопределенности.

Для любого пехотинца, танкиста, артиллериста, связиста линия фронта это линия, которую нельзя пересечь. Там, с той стороны, пространство, наполненное чужой речью, чужими людьми, чужими машинами, чужими запахами. Попасть к тем людям, в тот мир, означает смерть. А для разведчика такой линии не существует. Хоть минные поля, хоть колючая проволока, хоть поле, простреливаемое пулеметами, хоть река, открытая немецким наблюдателям, — он умеет пройти, переползти, переплыть. Он единственный в огромной армии, состоящей из военных десятков специальностей, ходит *туда*. Туда разведчики ходят далеко, бывает, что и на полсотни километров. Зимой в дальние рейды они берут с собой лишнюю пару валенок — для «языка». И вот оглушенный ударом приклада по голове немец видит направленный в лицо ствол ППШ и чувствует, как ему на ноги заботливо натягивают русские валенки. Так он лучше пойдет по снегам, не обморозится, не упадет. Чтобы «язык» не кричал, ему впихивают в рот тряпку или стягивают горло веревочной петлей. Если же предстоит бросок через нейтральную зону в свои окопы, то «языка» ускоряют ударами ножа в зад. Это действует лучше ругани.

У каждого разведчика есть нож, финка или кинжал. Все они имеют пистолеты, как правило, немецкие «парабеллумы». Некоторые, идя в тыл врага, берут и немецкий автомат. Он легче нашего ППШ. Гранаты — обязательны.

Это пехота может лазить по окопам в заляпанных грязью маскхалатах. А разведчик надевает чистейший маскхалат в последнюю минуту перед тем, как поставить ногу на вырубленную в замерзшей земле ступеньку, перевалиться через бруствер и уйти в метель. Малейшее пятно на маскхалате выдаст его, когда он поползет по снежной целине. Зимой разведчик затягивает лицо марлей, чтобы оно не темнело на снегу, летом закрашивает его зеленым и коричневым.

В разведвзвод не посылают приказом, туда идут по своей

воле. Но мало хотеть, надо иметь такой железный организм, который позволяет сутками не есть, ночами не спать, лежать на мокрой листве и не простужаться. Надо иметь такие нервы, которые позволяют не кашлять и не чихать вблизи врага. Кто хоть раз непроизвольно чихнул в тот момент, когда разведгруппа лежит в десяти метрах от немецкого переднего края, или судорожно закашлялся, не выдержав напряжения, — того отчисляют из разведки.

На своей земле разведчики держатся отдельно от пехоты. И развлечения у них тоже свои собственные, отдельные. То они взорвут гранатой двери в винные погреба и устроятся с бидонами в роще, а то угонят у начальника штаба полка трофейный автомобиль и катаются по окрестностям. Начальство на это закрывает глаза. Потому что когда завтра понадобится «язык», или нанести на карту точное расположение вражеских батарей, или узнать, что там за движение у немцев по ночам и почему весь лес урчит моторами, то это они пойдут туда, куда никто не может пойти.

Потери разведгруппы несут страшные. Вот только один пример, в котором тоже нет ни имен, ни фамилий — не сохранились. Пять разведчиков пошли через линию фронта. Их застала осветительная ракета, и немцы закидали их гранатами. Четверо убиты, один тяжело ранен. Его стоны слышны в наших окопах. Двое разведчиков пошли за ним, первый подполз, успел спросить: «Живой?» и тут же был убит выстрелом из автомата. Второй сумел завернуть раненого в шинель, обвязал веревкой и уполз назад. И всю ночь, до самого утра, тяжело раненного, впадающего в беспамятство разведчика через лужи талого снега вытягивали на веревке в наши окопы... На разведчиков немцы охотятся, как на зверей. На колючую проволоку они подвешивают консервные банки, в окоп запускают овчарку, которая чует приближение чужих и поднимает лай, между линиями колючей проволоки ставят мины-растяжки, в траву вбивают колышки с кольцами проволоки. Разведчик знает, что ему грозит в плену, и потому, действуя в одиночку на нейтральной полосе, часто держит в руке гранату на боевом взводе. Если вдруг окажется, что он ошибся в расчете и очутился в кольце врагов, перехитривших его, то он разжимает руку.

«Военный альбом», 1942 г.

Шайхет А., «Военный альбом», 1943 г.

ПОЛУТОРКА

Застряли. И лужа вроде не такая уж глубокая, и грязь не такая густая, а вот — встала и не идет! Ну что ж, три бойца попрыгали прямо в грязь из кузова, сержант вылез из кабины вместе с шофером, и началась обычная, привычная, по сей день знакомая любому русскому автомобилисту работа.

Надо подсунуть обломок березы под заднее колесо, лом под переднее. Шофер вон спешит на помощь с только что срубленным деревцем в руке. Сейчас тоже будет подкладывать под колеса. Это ГАЗ-ММ, или полупторка. Посмотрите, какие у нее узкие, субтильные колеса. И вообще этот грузовичок не отли-

чается ростом и телосложением. Он меньше «Газели», а какой-нибудь модный пикап типа Nissan Navara покажется рядом с ним откормленным культуристом. Мощность мотора — 50 сил — кажется нам сейчас невозможно маленькой. У мотоцикла, на котором гоняет подросток, и то бывает больше! Как же так, как же с таким слабеньким движком и на таких узеньких колесах да по размытым проселкам, и по заросшим полям, и по продавленным в снегу танковым колеям, и вброд по рекам, и даже по лесам, налетая на пеньки и ударяясь головой о потолок кабины? А вот так. Уметь надо.

Надо уметь полупторку завести — при вечно полумертвом аккумуляторе только ручкой; надо уметь тяжелой зимней ночью, встав раньше всех, разжечь костерок под мотором, чтобы согреть его; надо уметь на рассвете раздобыть где-нибудь ведро кипятку и вылить его на заледеневший капот; и надо уметь переключать скорости так, как теперь уже никто не переключает, искусство утеряно: с двойным выжимом педали сцепления и перегазовкой.

Я думаю, шофер, который сейчас несет срубленное деревце, гордится своей полупторкой. Дело в том, что это настоящая полупторка, а не ее упрощенный военный вариант. Как их отличать? Ну, прежде всего по крыльям: у полноценной полупторки крылья имеют плавный рисунок, а у сокращенной, военного времени, они резко прямоугольные. Такие легче было делать из обыкновенного кровельного железа. Еще у настоящей полупторки — поглядите! — две фары, а на полупторку военного выпуска ставили только одну, левую. Кстати, и тормоза на такую полупторку ставили только задние, но этого, конечно, на фотографии не увидишь. Еще на полупторке военного выпуска не было ни бамперов, ни клаксонов, ни глушителей, а на этой бампер есть и клак-

сон тоже. Вон он торчит, этот заляпанный в грязи рожек, и какое, наверное, наслаждение для шофера побибикать громко, объезжая по обочине вставшую колонну танков. Полупторкой грузовичок назвали потому, что он брал в кузов полторы тонны груза. Но это по инструкции. А без инструкции брал три и не разваливался. У него рама под кузовом, и он крепкий. Миллион этих грузовичков, увязая колесами в грязи и снегу, за четыре года перетаскал в своем кузове всю эту длинную, изнурительную, нечеловеческую войну: ящики со снарядами и коробки с тушенкой, носилки с ранеными и пулеметы, дрова и мазут, авиационные моторы и бревна, ленинградских детей и опаздывающую на собственную гибель пехоту. Этот грузовичок был неприхотлив до крайности, то есть зимой питался бензином А-56, а летом, в жару, согласен был ездить на керосине. А где горловина бака, куда заливать горючее? Современный шофер, пять раз обойдя вокруг полупторки, так и не догадается, что крышка бака — приглядитесь к фотографии внимательней! — прямо у лобового стекла. Из бака в карбюратор горючее попадает безо всякого насоса, само-теком.

Правая фара у этой полупторки разбита, а левая заложена железкой, в которой хитрый шофер прорезал узкую дыру. Правильно, так лучше, чем вообще без фары. Все возьмется в луже, только фотокорреспондент «Фронт-овой иллюстрации» Аркадий Шайхет попрыгал по грязи на пригорок и оттуда снимает. Но это ненадолго. Вот сейчас круглолицый шофер со сдвинутой на стриженный затылок пилоткой подсунет свою корягу под заднее колесо, сядет за руль, ногой в обмотке прижмет тяжелую педаль газа. Полупторка взрвет, и солдаты повернутся к фотографу: «Э, товарищ капитан, идите толкать!» И он пойдет толкать.

ШТУРМОВИК

Самарий Гурарий был фронтовым фотокорреспондентом «Известий». Есть фотография, где он сидит на помятом заднем бампере легковушки, в фуражке, сдвинутой на затылок, с камерой

в одной руке и приветственно поднятой ладонью другой. И видно по нему: лихой парень.

Экипаж штурмовика Ил-2 в составе летчика Алексухина и стрелка Гатаюнова позирует фотографу Гурарию на фрон-

товом аэродроме летом 1943 года. Это где-то под Харьковом. Лица худые и суровые. Летчик и стрелок похожи друг на друга, как братья. Или это делают их похожими авиационные шлемы и то выражение в глазах, по которому понимаешь, откуда они сейчас вернулись. И куда полетят опять, как только в пулемет их штурмовика заправят новые ленты, а в баки зальют новое горючее.

Но не такие уж они и суровые, эти ребята, летающие на именном Ил-2 «Александр Суворов». Это фотограф попросил их сделать серьезные лица, а чуть он отвел камеру в сторону, они заулыбались. Он тогда тут же снова нажал на кнопку, и на фотографии-дубле, которая не столь известна и не вошла в анналы, те же два штурмовика Алексухин и Гатаюнов с улыбками на молодых, почти мальчишеских лицах.

Летать на штурмовике — самая опасная работа. Бомбардировщики идут высоко, они часто прикрыты облаками. Истребители имеют скорость и могут сами защитить себя. А штурмовки тащутся на скорости, едва достигающей до 300 километров в час, они идут невысоко над лесами и полями, и их хорошо видят зенитчики с земли и летчики истребителей с крестами на крыльях.

Наши истребители, конечно, сопровождают штурмовиков, но при подходе к цели они оставляют их и уходят на высоту. Туда, вниз, на штурмовку аэродрома или железнодорожной станции, прямо навстречу снарядам зенитных орудий, прямо в эту кашу огня, носом в это марево и зарево, штурмовик идет один.

Он не крутится и не вертится в воздухе, как истребитель, он идет по прямой со снижением на цель и сам представляет из себя отличную цель для всего, что стреляет. А как только он выберется оттуда — часто потрепанный, с дырами в центроплане, с пробоинами в плоскостях — и ляжет на обратный курс, как его тут же атакуют немецкие истребители.

Единственный шанс выжить у штурмовиков при атаке немецких истребителей — это встать в круг. И вот штурмовики идут в круг на расстоянии ста метров один от другого, и у каждого только одна цель: защитить хвост впереди идущей машины. А вокруг носятся «Мессершмитты» — «худые» на языке наших летчиков — и норовят развалить круговую оборону. Правда, истребителю, чтобы войти в бой со штурмовиком, нужно сильно сбросить скорость. Бывали случаи, немецкие летчики, атакуя штурмовик, даже выпускали шасси, чтобы притормозить.

Сто вылетов для истребителя — нормально дело. Но штурмовик редко доживает до таких цифр. А те, кто имеет две-три вылета, в штурмовой авиации наперечет.

Но даже среди этих особо приближенных к смерти людей есть особая категория. Перебрасывая ногу в кирзовом сапоге через борт самолета, стрелок штурмовика часто ступает в могилу. Стрелков гибнет втрое больше, чем пилотов. Потому что стрелок из своей кабины ведет бой с атакующими сзади истребителями и притягивает на себя их огонь. И бывает, что летчик сажает самолет, а стрелок за его спиной уже уронил голову на ствол пулемета. И кабина его вся в крови.

Через полгода после того, как экипаж штурмовика Ил-2 так здорово попозировал фотографу Гурарию на аэродроме под Харьковом, их подбили снарядом с земли. Снаряд попал в двигатель, самолет горел. Летчик Василий Алексухин направил штурмовик в колонну танков.

А фотограф Самарий Гурарий прошел всю войну. В 1995-м он был среди фотографов, которые снимали парад в честь 50-летия победы. В 1998-м, когда в стране произошел очередной обвал и нормальному человеку жить стало просто не на что, фронтовой фотограф вместе с семьей уехал в Америку и жил в Нью-Йорке. Там и умер. Но похоронен в Москве, на Востряковском кладбище, в одной могиле со своими предками и родственниками.

Гурарий С., «Военный альбом», 1943 г.

Озерский И., ИТАР-ТАСС/Архив, 1944 г.

СОРОКАПЯТКА

Там танки, братцы (а то они сами не слышат!). Вон оттуда прут, шесть штук. Вы пушку свою давайте берите, пойдете к нам с пушкой. Я вам дорогу покажу. Так или примерно так говорит артиллеристам маленький солдат с узким добрым лицом под пилоткой, с длинны-

ми руками, на кривоватых ногах, посланный с передовой в ближний тыл, в лесок. Но какой же это тыл? Весенний лес полон тревожным гулом, мокрая земля под ногами артиллеристов дрожит от рева танковых моторов, высоко вверху, там, где истончаются стволы берез, гуляет эхо. И они переглядываются, вздыхают, берутся за свою пушку,

катят ее с напрягом и нажимом сначала по старой, прошлогодней листве, потом по черной воде, налившейся в ямину, а потом по дороге, которую проложили в поле полуторки и мотоциклисты. Но какой смысл ее толкать по дороге? Они сталкивают свою пушку на низкую траву и катят ее по траве уже почти без усилий. Она сама идет. Солдатик деловито шагает впереди них, показывая дорогу, сутулый, длиннорукий, в скатке, в пилотке, в разношенных старых сапогах. У него русые брови и крупные уши. В воздухе гремит и свистит, а он идет себе, переступая кривоватыми ногами, со спокойным морщинистым лицом, помахивая левой рукой с заскорузлыми пальцами, а в правой привычно и буднично держит винтовку. Он не то что не боится, он даже не слышит этой оглушительной стрельбы. Привык. Он словно не на войну их позвал, а на обыденную работу: канаву рыть или сколачивать из досок забор. На ходу он погружен в свои мысли, которые далеки от того, что им всем сейчас предстоит. Ни о смерти, ни о бое, ни о враге, ни о защите Родины, ни о приказах Сталина он не думает. Он думает о том, что непременно нужно сделать сегодня к вечеру, когда все это дело с прорвавшимися танками утрясется: забить гвоздь, вылезший в сапоге и мучающий его твердую, желтую пятку, переложить махорку из тряпочки грязной в тряпочку чистую. Дела.

А артиллеристы близкую стрельбу слышат очень хорошо. Обратите внимание, солдатик в пилотке, и ему не страшно, а они в касках, но им все равно страшно. Они прячутся за куцым щитом своей пушечки и выглядывают оттуда опасно: ну долго катить еще? ну скоро ли кончится открытое место? За их спинами что-то рвется, и их окутывает белый горький дым. Они кашляют. Оно, конечно, кончится, и что они там увидят? Дорога сделает поворот, уйдет в сторону вдоль леса, а перед ними распадется поле, по которому ползут эти чертovy серые

коробки. Может, там и окопы отрыты, и в них пехота. А может, нет окопов, а просто лежат на траве несколько десятков бритых наголо мужиков и смотрят с тоской в глазах на рычащие, тяжело покачивающиеся машины с крестами на башнях, с неуклонной силой прущие по полю. И позади улегшейся на траву пехоты, безо всякой маскировки, не имея оборудованной позиции, голая и одинокая, стоит теперь пушечка с коротким тонким стволом.

Это сорокопятка. Артиллеристы-юмористы называли ее «прощай, Родина!». Это пушка ближнего боя, которая хороша при стрельбе с дистанции в полкилометра, но которой часто приходится бить по танкам и с двухсот метров, и даже со ста. Стрелять по танку со ста метров — смертельный номер. Вот он наезжает на тебя, вот ты слышишь его угрожающий рев, вот ты видишь, как покачивается его длинная пушка с дульным тормозом, вот ты видишь короткие вспышки огня танкового пулемета и знаешь, что это стреляют в тебя. И если следующим выстрелом расчету не удастся подбить танк, то через две минуты он наползет на пушку и сомнет ее своим грузным стальным телом. А вслед за танком уже идет их пехота в низких касках, и ты, катясь по низкой траве, подальше от ревушей, воняющей раскаленной сталью махины, знаешь, что тебе не убежать, не спрятаться от этих чертовых немцев.

Прежде чем выкатить сорокапятку в боевые порядки пехоты, артиллеристам следовало бы написать прощальные письма родным. Но кто даст им писать прощальные письма в момент, когда немецкие танки надвигаются по полю в окрестностях силосной башни у деревни Окулово или вблизи коровников колхоза имени Десятилетия Октября? Кто даст им обняться, помолиться, попрощаться, сосредоточиться, приготовиться? Кривоватый пожилой солдатик пришел к ним по-свойски, позвал их помочь пехоте, показал им путь. А дальше вы уже сами, ребята.

ГРЯЗЬ

«Военный альбом», 1944 г.

Тягач, пушка, солдаты, шинели, ушанки, винтовки, обмотки — не главное на этой фотографии. Главное тут совсем другое, а именно — грязь. Обширная, глубокая, вспухшая, бродящая, медленная и ленивая, поглощающая легковушки и полуторки, человеческие тела и амуницию, содранные с валенок галоши и упавшие наземь гаечные ключи, тормозящая танковые прорывы и до полусмерти замучивающая и без того едва живую, плетущуюся на полусогнутых пехоту — вот она какая, грязь.

Война происходит в грязи. Это не надо забывать, размышляя о стратегических операциях и замыслах генералов. На их картах, расстеленных на больших столах, грязь не обозначена — там только красные и синие клинья ударов и оцетинившиеся иголками дуги укрепленных позиций — но на местности наступлением и обороной управляет именно она, грязь. Особенно весной и осенью. Танки, тягачи и американский трехосный «Студебеккер» с приводом на все колеса еще как-то проходят по ней, а полуторки и трехтонки тонут. Тогда их надо толкать. И перемазанная в грязи пехота толкает. Но машина пройдет десять метров и вязнет снова. Так ее и тащат на руках километрами по грязи.

Обыкновенная занозистая, с сучками, доска в этом деле большой помощник. Ее подсовывают под колесо, колесо едет по доске три метра. Теперь нужно вынуть доску из грязи и подсунуть снова. И так десятки и сотни раз. Но это в том случае, если удастся где-нибудь найти доску. Такая большая удача выпадает не всем и не всегда.

Грязь и ее разливы достигали в войну циклопических размеров. На километры и десятки километров растягивались автомобильные пробки, состоявшие из машин, барахтавшихся колесами в жидкой, вязкой грязи. Тысячи машин, легковых и грузовых, ревя моторами, пытались продвигаться вперед по вспучивающейся глине, и только еще глубже зарывались в нее. Сотни шоферов с твердо сжатыми губами жали на педали газа, вымучивая у своих машин еще один предсмертный рывок. Десятки офицеров орали. Другие десятки бросали свои машины и по колено

в грязи, ворочая ногами в липучем месиве, уходили на ночевки в окрестные деревни. А шоферы оставались в полумантных машинах, у которых от усилий летели сцепления. Машины на долгие часы и даже дни оставались стоять по брюхо в грязи. На языке тех лет это называлось «полетела коничка».

Сцепление на тогдашних машинах было устроено в виде конуса. Когда я был маленьким и папа учил меня водить, он говорил, подсказывая мне порядок выжимки педалей: «Конус! Тормоз!» Сам он сидел за рулем с четырнадцати лет и в военные годы на «эмке» возил своего отца и моего деда в наркомат.

Если на эту застрявшую в грязи армаду машин налетит немецкий самолет, то сожжет автомобили и побьет пулеметами людей. Но те, кто барахтается в грязи и тянет свои машины к спасительной тверди, об этом не думают. Авось не налетит. Авось налетит, но промажет. Авось у немца другие сегодня дела найдутся.

Спасение тут одно — тягач. Вот такой, как на фотографии, какой тащит пушку. Такой тягач пройдет по любой грязи, но где его взять? А если и обнаружится тягач в какой-нибудь из близлежащих деревень, в ставшем там на комплектование артиллерийском полку, то непременно окажется, что у него нет бензина. Тягач есть, бензина нет. Танки есть, снаряды кончились. Штурмовики есть, истребители прикрытия куда-то делись. Все это на войне обычное дело.

Чтобы достать бензин, нужен спирт, хотя бы несколько бутылок. Это знает каждый военный шофер. И вот несколько лихих ребят, оснащенных бутылками со спиртом, с чмокающим звуком выдирая ноги из грязи, уходят куда-то, где им предстоит обменять спирт на бензин. И утром, если не налетит немецкая авиация и не пожжет машины, к заночевавшей пробке подойдет тягач и, рокоча двигателем, переваливаясь на широких гусеницах, начнет свою долгую работу, которая растянется на несколько суток.

По одной тягач будет брать машины на буксир — то «Виллис», то полуторку, то трехтонку — и волочить их, ерзающих и скользящих в грязи, на сухое место.

ЖЕСТОКОСТЬ

Редькин М., ИТАР-ТАСС/Архив, 1943 г.

Немецкие егеря, запущенные в лес для борьбы с партизанами, пулеметной очередью подожгли и сбили По-2, доставлявший партизанам груз. Летчика они нашли в лесу рядом с упавшим самолетом. У него не было носа, нос сгорел, а на месте рта была кровавая дыра с зубами. Этот летчик на всю жизнь запомнил, как немецкие егеря, стоя вокруг него, ржали над его лицом. Он показался им не жильцом, и они не стали брать его в плен, а просто бросили в лесу. Но он выжил.

Наша пехота в Сталинграде, захватив вражеский опорный пункт, размещенный в полуразрушенном доме, взяла там четырех пленных. В скором времени немцы отбили опорный пункт и вошли в полуразрушенный дом. Там они нашли бессловесное послание в свой адрес: четыре растерзанных трупа. Когда Зою Космодемьянскую вели вешать, к ней подскочила маленькая разъяренная бабка и окатила помоями из ведра. Эта бабка была жительницей деревни, в которую Зоя была послана, чтобы поджигать дома. Зоя сожгла ее дом, а когда она пыталась поджечь конюшню, ее поймали. «Тебя сейчас повесят, а мне где жить?» — истошно вопила бабка.

Венгры в Карпатах захватили двух наших солдат и замучили их с каким-то жутким, средневековым садизмом. Командир взвода разведки полка, к которому принадлежали солдаты, на следующий день взял в плен четырех венгров и забил всех четверых ударами графина по головам.

Немецкий артиллерист из своего тяжелого противотанкового орудия, которое с позиции на позицию таскали в кольце окружения в Сталинграде девять человек (четверо из них были русскими), подбил два наших танка. Потом он подошел к одному из подбитых танков. Танкист висел в люке вниз головой, ноги его застряли в машине, и он тихо стонал. Немец достал пистолет и пристрелил танкиста, причем сам он в это время плакал от жалости к танкисту и от мысли о боли, которую тот испытывает в зажатых и обгоревших ногах, а еще от нервного истощения.

Маленький деревенский мальчик — не тот, которого вы видите на фотографии, а другой — однажды зимой в окрестностях своей деревни шел на взрослых, ему не по росту, лыжах.

Других, детских лыж у него не было. На обочине лежали замерзшие трупы немцев. Мальчик шел и методично колот их острием лыжной палки. Это была его месть. А может, так он еще раз убивал уже убитых и ненавистных немцев.

Этот список жестокостей можно продолжать до бесконечности. У него нет конца. Даже если на каждую жестокость войны отвести в этом списке одну строку, получится свиток, в который можно обернуть всю нашу изнуренную войнами, одуревшую от жестокости, насквозь пропитанную кровью — хоть бери сейчас и отжимай! — Землю. В этом списке будут раздавленные танками солдаты, повешенные партизаны, растерзанные пленные, убитые в затылок евреи, заморенные голодом мирные жители, сожженные заживо коровы, раненые лошади, которых пристреливают, засунув им ствол в ноздрю, осиротевшие собаки и кошки и даже птицы, в пору выведения птенцов попавшие под бомбежку в лесу.

И тогда птицы носятся по лесу и истошно кричат. Все эти жестокости, сливаясь воедино, образуют ту огромную, всеобщую и невыносимую жестокость, которая и называется — война.

Мальчика зовут Толя. Он аккуратный мальчик, посмотрите на него. Все три пуговицы его рубашки с отложным воротничком застегнуты, на голове взрослая кепка. А то, что край пиджака у него оборван и обгорел, так он не виноват. У него дом сожгли. Вон он, отчий дом, за его спиной, от него осталась только печь с трубой, да и она разрушена. Сожгли его дом совсем недавно, над пожарищем еще стоит серая, пахнущая гарью дымка, которая ближе к земле сгущается в белый смрадный дым. Дым тяжелый, стоит и не уходит. Это всего лишь одна жестокость из того миллиона жестокостей, которые происходят в обыкновенный летний день на войне. И мальчик Толя знает, что сейчас война, и что он не один такой, и что многих людей убили и еще убьют, а другие умрут с голоду, а третьи пойдут побираться, а у четвертых не будет ни угла, ни двора, и что в его несчастье, значит, нет ничего необыкновенного. И поэтому лицо у него спокойно, и свою маленькую руку он деловито и буднично заложил в карман.

БУТЫЛКА КАЧУГИНА

Никто не знает, почему бутылки с зажигательной смесью называются «коктейлем Молотова». Министр иностранных дел, член Политбюро Молотов не имел к ним ровным счетом никакого отношения. Их следовало бы назвать «бутылками Качугина» — в честь человека, который если и не изобрел, то сильно усовершенствовал это простое оружие.

Анатолию Трофимовичу Качугину было 39 лет, когда он получил срок: восемь лет лагерей, и ему исполнилось 43 года, когда он умирал в лагере от дистрофии. То есть на доведение здорового, сильного, работоспособного мужчины с высшим образованием и высоким интеллектом до состояния полутрупца ушло четыре года. Но Качугин не умер, как умирали в лагерях другие доведенные до дистрофии ээки. Его поместили в лазарет, а потом и вовсе освободили. И он, хирург по профессии, учившийся в двух университетах, один из которых был самой Сорбонной, осел в провинциальном Саратове и принялся изобретать разные полезные для людей вещи.

Качугин вообще всю жизнь — и до ареста, и после — что-то изобретал. Он был наделен удивительным даром чувствовать тайные способности материалов и сочетать их для того, чтобы получать новые свойства и качества. Он

соединил электричество с градусником и получил электрический термометр. Потом Качугин нырнул, как в глубокую воду, в науку химию и вынырнул с очередным изобретением: новым методом изготовления рентгеновской пленки. Борная кислота, с ее свойствами, привлекала его, так же как бром, серебро, цинк, сульфиды, хлорная известь, аммиак и другие химические соединения. Этот человек с густыми мягкими волосами, которые он зачесывал назад, над высоким прямоугольным лбом, утверждал, что «нет безнадежных больных, есть безнадежные врачи» — и даже создал свой метод лечения рака. Он так и называется, «метод Качугина». Но это было уже много позже войны.

Когда началась война и танковые клинья вермахта со страшной скоростью ринулись в глубь советской страны, Качугин в своем тихом Саратове задумался над тем, как бороться с танками в условиях нехватки противотанкового оружия. Ему, опытному изобретателю, не понадобилось много времени, чтобы из подручных дешевых материалов создать примитивную гранату, способную прожигать броню. Такие гранаты существовали и прежде, их использовали республиканцы во время войны в Испании. В бутылку заливался бензин, затем поджигался кусок пакли, и граната летела в моторное отделение танка. При удачном броске танк загорался, и в нем детонировал боекомплект.

ИТАР-ТАСС/АрхивРГАСОД, 1941 г.

Качугин усовершенствовал это народное средство борьбы с танками. Он создал зажигательную смесь, которая получила название КС. Она вспыхивала сама, в тот момент, когда бутылка, брошенная пехотинцем, разбивалась о броню танка. Это было очень важное усовершенствование, потому что пехотинцу теперь не приходилось тратить драгоценные секунды на то, чтобы доставать спички и поджигать паклю. В бою, вблизи от надвигающегося, ревущего, пышущего жаром, бьющего из пулемета танка все эти манипуляции со спичками, которые, как назло, не зажигаются, и паклей, которая не хочет загораться, потому что отсырела, могли стоить солдату жизни. Теперь пехотинец мог сосредоточиться на танке

и только на нем. Процесс сократился до предела: высунься на мгновение из окопа и — швыряй!

Первоначально смесь была желто-зеленой. Чтобы увеличить ее вязкость, Качугин добавил в нее присадку, и смесь сменила цвет, стала бурой. Теперь она прилипала к броне танка и не стекала с нее. Она горела три минуты и давала обильный белый дым, ослеплявший танкистов, причем температура горения достигала 1000 градусов. Конечно, бутылка

бе с танками. В них, кстати, залит обыкновенный бензин, а не зажигательная смесь КС, и поэтому к бокам прикручены длинные спички, которые и сами пропитаны бензином. И вот молодой парень в мешковатой, не по росту, форме и в ботинках с обмотками, с круглой, стриженной наголо головой, выбрасывается на секунду из окопа, и из его отведенной назад руки вылетает в сторону танка вот такая бутылка.

со смесью КС не могла заменить настоящего противотанкового оружия, но она по крайней мере давала пехотинцу хоть какой-то шанс. Без такой бутылки солдат часто оставался против танка с голыми руками. Эти примитивные зажигательные гранаты начали производить на предприятиях Наркомата пищевой промышленности с 10 июля 1941 года в количестве 120 тысяч штук в день. Бутылки брались любые, какие оказывались под руками, из-под молока, вина, уксуса и вообще чего угодно. Бутылки часто отличались одна от другой, как две вот эти боевые сестры на фотографии. В их горлышки всажены резиновые пробки, на их бока наклеены бумажки с инструкцией по борьбе

БУТЫЛКА КАЧУГИНА

Маслов М., 1943 г.

И-16

В январе 1943 года, сумрачным и облачным днем, два немецких летчика, Альфред Гриславски и Эрих Хартман, вели в русском небе свободную охоту. Оба вошли в историю вой-

ны как асы с большим числом побед. Заметив под свинцовой, почти черной тучей три краснозвездных истребителя И-16, они на большой скорости атаковали их. И-16, этот маленький, с коротким фюзеляжем и короткими

крыльями истребитель, был спроектирован Поликарповым для воздушного боя, который представлялся конструктору как цирковой номер двух асов. Они крутятся в воздухе вокруг друг друга, кувыркаются, делают петли и виражи, переворачиваются через крыло и соревнуются в технике пилотажа. Шеф-пилотом фирмы Поликарпова был Чкалов — великий летчик казался конструктору прообразом всех летчиков будущей войны. Все они будут немножко асами, немножко Чкаловыми... готовыми вести маневренный воздушный бой, который немцы называли «собачьей дракой».

Но воздушная война оказалась другой. В ней воевали не единичные асы, умеющие крутить в воздухе высший пилотаж, а летчики массового производства, едва освоившие взлет и посадку. Важнее верткости самолета оказались мощность мотора, скороподъемность и скорость. В этих качествах маленький И-16, выдерживавший в Испании бои с первыми модификациями «Мессершмиттов», с «Мессерами» модификаций F и G соревноваться уже не мог.

Тут, в этом бою, есть и еще одно странное обстоятельство: количество самолетов. Тройками советские летчики летали только в начале войны, но этот боевой порядок оказался губительным, и наши ВВС перешли на пары. Отчего же они опять летят архаичной, уже отжившей свое тройкой? К тому же наши летчики — неизвестны ни их фамилии, ни номер части — не заметили вражеские самолеты, а тот, кто не увидел атакующего врага, уже погиб. Два «Мессершмитта» на скорости в пятьсот километров в час налетели на пузатые самолетики с короткими острыми крылышками и открыли огонь. Что должен чувствовать летчик, которого вот так застали врасплох? Это чувство цыпленка, на которого свалился стервятник. Выжить нельзя. Сейчас тебя будут убивать. В воздухе, кувыркаясь, полетели куски обшивки, отбитые детали, железки...

У одного из наших летчиков то ли оказались глаза острее, то ли реакция быстрее — он успел шмыгнуть в черную тучу, висевшую в пятидесяти метрах над головой. И там скрылся. Что он там делал, в клубящейся, влажной тьме этой спасительной тучи, пока «Мессеры» расправлялись с двумя его товарищами? Он сидел в открытой кабине (у И-16 нет сдвижного фонаря, у него неподвижный козырек), окутанный влажными клубами зарождающегося снегопада, и слышал снизу страшный стук немецких пулеметов. Разодрать пару И-16 было для двух охотников делом двух минут, совершенно лишенным риска; не боем даже, а забавой. И он, наш летчик, это понимал.

Шмыгнул ли он в тучу из страха? Возможно. Он висел в туче, зная, что немцы сейчас сделают свое дело и уйдут. Гоняться за ним по темным небесным закоулкам два «Мессера» не станут. А он тогда вернется домой. Так он мог думать. Или он с напряженным вниманием слушал немецкие моторы, по их звуку создавая у себя в сознании картину боя? А может, он сразу же, без сомнений, стал делать в этой огромной туче боевой разворот, готовясь сыграть с немцами в ту же игру, в которую только что сыграли они? Как бы там ни было, в момент, когда два немецких парня, переглянувшись через плексиглас кабин, победно качнули друг другу крыльями и крикнули разом: «Horrido!», исчезнувший И-16 на максимальной скорости и полном газу выскочил из тучи прямо в хвост «Мессершмитту» Альфреда Гриславски. С дистанции в десять метров наш безымянный летчик всадил ему в хвост весь боекомплект.

Атака была столь неожиданной и наглой, что Эрих Хартман просто прозевал ее; и уже через минуту его больше интересовало, куда приземлится на парашюте его командир Гриславски, чем этот снова нырнувший в черную снежную тьму и исчезнувший в ней маленький русский самолет.

ПАРТИЗАНЫ

Коршунов С., 1944 г.

Лесозаготовитель Малашенко получил от немцев пистолет с целью защиты самого себя от партизан. Лесозаготовитель быстро одумался, снова пошел к немцам, сдал им пистолет и попросил выдать справку о том, что никакого оружия он не имеет. Справка нужна была ему для предоставления в лес, партизанам. И немцы, войдя в его положение и хорошо понимая ситуацию, выдали ему такую справку!

Это не анекдот, это быль. Так же как быль все то, что делал в немецком тылу полковник Александр Викторович Герман. Полковник по узкоколейке наладил движение поездов с партизанами. Поезда, не останавливаясь, проходили станции с немецкими гарнизонами. Гарнизоны закрывали глаза на эти ходившие вне расписания — из леса в лес — поезда. Обращать на них внимание было себе дороже: из дебрей могли выйти такие люди, что от станции осталось бы пожарище.

В Белоруссии было 373 942 партизана. Это сведения Центрального штаба партизанского движения. Это соответствует примерно пяти общевойсковым армиям. Вообще-то белорусы спокойные люди. Я это не в книжках прочитал, я их знаю. Доброжелательные, и гостеприимные, и неспешные, и раздумчивые, и не склонные к экзальтации. Мне кажется, чтобы действительно разозлить белоруса, надо сильно постараться. Немцы постарались. А кто сказал, что белорус, если его разозлить, воткнет врагу нож в спину и спокойно пойдет обедать, — я не помню.

На фотографии фотографа Сергея Коршунова группа белорусских партизан-комсомольцев. В центре высокий мужчина в щегольской — американской? — шляпе. Где он взял ее в лесу? Но носит, несмотря ни на что, и даже красную звездочку на нее приколот. Трое, стоящие в первом ряду (двое мужчин и девушка в короткой шубке), вооружены, что называется, до зубов: помимо автоматов ППШ-41, у них еще и пистолеты на щегольских металлических цепочках.

Не стоит, наверное, удивляться ни этой белой шляпе со звездочкой, ни приталенной шубке, в которую одета девушка с автоматом, ни ее аккуратной шляпке. (Автомат ППШ,

кстати, весит пять с половиной кило, и таскать его с собой по лесу для невысокой девушки не так-то просто.) Модные вещи у партизан в лесу бывали. В бригаде Ковпака, например, в ходу были бельгийские конверты и итальянская бумага. Понятно, откуда все это бралось. В один белорусский партизанский отряд однажды даже доставили пишущую машинку, сняв ее прямо с начальственного стола в немецкой комендатуре.

В головных уборах у этого отряда полный разнобой. Парень слева в папахе, а парень сзади в шлеме танкиста. Вон женщина в теплом пальто — это весна, и в лесу еще холодно — уютно обмотала себе голову теплым платком. Совсем помирному она выглядит. Еще там есть парень, который пилотку носит чуть ли не на ухе, на манер испанских республиканцев. А поглядите на мужчину в кепке, который правой рукой держит автомат, а левую сунул в карман. Ему сказали, что сейчас прилетевший из Москвы фотограф будет снимать для газеты, и он тут же принялся застегивать свой куцый пиджачок. Это пиджачок столяра из Бобруйска или заводского слесаря из Минска. Застегнул, а оказалось, не на те пуговицы. Так и стоит с сильно сжатым ртом и зорким взглядом в косо застегнутом пиджаке.

Нет в этих людях ни страха, ни остервенения, а есть какое-то непередаваемое в словах глубокое спокойствие. И у всех круглые, знакомые, родные белорусские лица.

16 июля 1944 года в Минске на ипподроме состоялся парад белорусских партизан. В параде участвовали тридцать тысяч человек — целая армия вот таких вот мужчин в куцых пиджаках, фетровых шляпах, выгоревших пилотках, залатанных гимнастерках, папахах и кепках, а также женщин в ситцевых блузках и хлопчатобумажных юбках, с пистолетами на поясах и тяжелыми автоматами на истершихся от долгой носки кожаных ремешках. Фотография, которую вы видите, сделана в 1943 году, и впереди еще очень много боли и крови. Но я сильно надеюсь, что все эти люди, которые сейчас так спокойно и с таким достоинством глядят в направленный на них объектив, доживут до парада на ипподроме.

САПОГИ И ВАЛЕНКИ

Это бегут пехотинцы. Они в ушанках с пропотевшим засаленным нутром и в длинных серых шинелях, впитавших в себя воду дождей, жижу болот, талый снег, раскисшую грязь.

В грязь им приходится падать в каждой атаке. А не падать нельзя — убьёт. Они падают, где застигает их разрыв, а потом тяжело поднимаются и бегут дальше, в серый туман, в сырые сумерки, в мутное утро, в дурную бесконечность этой великой, великой, великой и мучительной войны.

Шинели пехотинцев отяжелели и покрылись где рыжими, где бурыми, где желто-зелеными пятнами. Полы обтрепались, бьют и хлопают им по икрам, по ботинкам. Ботинки прохудились. Бедная, обтрепанная, с утра не евшая, с марта не мытая в бане, с февраля не имеющая писем из дому, с подтянутыми от голода животами, обреченная в каждой атаке на убой, терпеливая к жизни и смерти и все-таки еще живая пехота!

Создать танковые армады, проламывавшие немецкую оборону, стране удалось, выпустить в небо истребители, завоевавшие господство в воздухе, удалось тоже, а вот снабдить пехотинцев хорошей и однообразной обувью — не получилось. В Красной армии чуть ли не до конца войны был разнобой с обувью. И оттого кто-то из этих пехотинцев бежит сейчас в ботинках с обмотками — обмотки уже в 1941 году были анахронизмом, однако дожили в армии до 1945 года, кто-то в тяжелой порыжевшей кирзе, а кто-то в намокших, разбухших валенках, в которых на каждом шагу тяжело хлюпает вода.

Вы попробуйте весной бегать в атаку в намокших валенках, набравших по пять литров воды на каждую ногу. Пальцы окаменели, их не чувствуешь. Еще попробуйте в валенках полазить по окопу, залитому водой. Мучительно в этих никогда не просыхающих, потемневших от влаги валенках карабкаться на пригорок по тающему льду. Ноги скользят и срываются. И тут ведь не детская игра в царя горы, тут правила другие: ты лезешь и скользишь, а по тебе в этот момент стреляют. Нет, лучше поставьте их на ночь к печке-буржуйке (это если есть землянка и в ней есть печка)

и сквозь наплывающий сон и тяжело опускающиеся веки наблюдайте душный пар, который отдают в спертый воздух маленького земляного убежища отсыревшие валенки...

А есть еще самодельные сапоги, которые мастерят умельцы. Подметка берется от ботинок, голенище шьется из брезента. Хорошая вещь. Если такие самодельные сапоги у человека есть, то он может и не ждать чуть ли не до лета, пока в действующие части подвезут сапоги фабричного производства и отдадут приказ заменить ими валенки. А если нет? Тогда по скользкому льду и по жидкой глине лазаешь в валенках.

Посмотрите, как они бегут в атаку. Не быстро и не медленно, а ровным, размеренным шагом глубоко уставших и уже давно привыкших к усталости людей. На спинах у них вещмешки, и до чего же худые их вещмешки. Они съезжились, эти мешки-дистрофики. В них болтается бритвенный станок в потертой коробочке, обмылок в газетной бумажке, расческа-гребешок, чтобы было чем расчесать волосы в бане, до которой дай бог добраться через месяц живым и здоровым, с целыми руками и ногами... и три сухаря, которыми, может быть, удастся пообедать сегодня ночью, когда промокшая насквозь, пахнущая потом, табаком и гарью пехота войдет наконец в безымянную деревеньку, в которой еще с утра стоял немец.

Война изнурительна. Нам, привыкшим к душе два раза в день, не понять, как можно месяцами жить без горячей воды. Нам не понять, как можно ходить в одном белье и в одной одежде месяцами. Нам не ощутить всей усталой, зудящей кожей появление на теле вшей. Нам не дойти до такого безразличия, чтобы уже не воспринимать запахов в ночной избе, где на холодном земляном полу спят вповалку, не выпуская из озябших красных рук автоматов, двадцать пехотинцев и один офицер. У него — он же все-таки офицер — ноги в носках, а не в портянках и смена чистого белья в вещмешке, и он ее бережет на красный день. А так — ходит, как все, в пропотевшей линиялой майке под пропотевшей же гимнастеркой и в давно порыжевших сапогах со скошенными подметками.

ЖИЗДРА

Жиздра — городок на юге Калужской области, затерянный в густых лесах. Он лежит между Калугой и Брянском. В Калугу наши вернулись уже в декабре 1941 года и пошли было дальше, но в 15 километрах от Жиздры наткнулись на прочную немецкую оборону и остановились.

Немцы стояли в Жиздре полтора года. Они уплотнили жителей городка, переселив их по несколько семей в каждый дом, а сами жили в освободившихся домах. В Жиздре у них была своя пекарня и свое кладбище, которое они разместили на площади перед большим белокаменным собором восемнадцатого века. Кресты на кладбище были из березовых поленьев, на каждом кресте фанерка с надписью от руки (имя, фамилия, звание, годы жизни) и сверху каска.

Летом 1943 года Красная армия снова пошла на Жиздру. В густых лесах вокруг городка шли тяжелые бои. Когда немцам пришло время оставлять маленький городок, в кото-

ром они так уютно — со своим собственным теплым Brot и березовыми поленьями, так чудно потрескивающими в печках — прожили полтора года, они решили уничтожить его.

Тут не было ни ярости отчаяния, ни истерики проигравших, а был жестокий, холодной головой обдуманный план. Городок был разбит на квадраты, и в каждом квадрате немцы планомерно поджигали дома. Улицы и проулки маленького городка, затерянного в калужских лесах, выгорали. Тогда саперы подвозили взрывчатку к торчащим из пожарниц стенам и взрывали их. Они ровняли улочки с землей в прямом смысле этого выражения.

Жителей Жиздры немцы сгоняли на станцию, грузили в поезд и вывозили в Германию как рабочую силу. Небольшая часть жителей — в основном женщины с детьми — ушла в лес.

Большой белокаменный собор святого князя Александра Невского немцы взорвали.

Савин М., «Военный альбом», 1943 г.

Когда первые советские части вошли в Жиздру, города, отмеченного на картах, уже не было. Не было ни домов, ни сараев, ни собора, ни механических мастерских, ничего. Были только черные пятна гари и белые остовы печей, кое-где кирпичные трубы, и еще кое-где обуглившиеся бревна и раскиданная по огородам убогая мебель, и повсюду битый кирпич. Люди в этом лунном пейзаже отсутствовали. В мертвой тишине мяукала кошка. Смотреть на эту мяукающую кошку нет сил. Может быть, потому что, глядя на нее, переселяясь в ее разум, испытываешь наивное, детское недоумение: что случилось? и за что это все? Почему эти люди в сером, которые так уютно жили полтора года в местных одноэтажных домах и даже давали

иногда ливерную колбасу, вдруг как сошли с ума и стали жечь, жечь, жечь? Почему эти люди, которые только вчера заботливо наливали молочка в посудинку, вдруг стали бить прикладами других людей, и орать, и стучать ногами в двери, и плескать мерзко пахнущим керосином на пол, и швыряться палками, на которые намотана пропитанная все тем же керосином горящая пакля, и с грохотом переворачивать шкафы с посудой, и мочиться в печи? Почему вдруг рухнули балки в том темноватом, подслеповатом

и родном доме, где эта серо-белая русская кошка провела всю свою жизнь, ловя мышей и сладко сворачиваясь во сне на колченогой табуретке? И за что дюжая немецкая образина прострелила ей ухо?

Бедная кошка. Истошным криком она рассказывает солдату в телогрейке и ушанке о своей ужасной беде и о судьбе маленького безвинного городка Жиздра. И просит поесть.

До войны в Жиздре было 13 тысяч жителей. В момент освобождения количество жителей было ноль. После войны жителей стало чуть больше тысячи: женщины с детьми вернулись из лесов, кое-кто демобилизовался и вернулся в родные места, да и некоторые из угнанных вернулись из Германии. Но этот милый, уютный, симпатичный городок, затерянный

в калужских лесах, уже никогда не оправился от войны. Судьба словно решила прибить его еще раз. В 1989 году на его низкие крыши и густую зелень выпали чернобыльские радиоактивные дожди. Сейчас в этом тихом городке-инвалиде живут шесть тысяч человек.

Гернику знает весь мир. Спасибо Пикассо, он нарисовал Гернику! А маленькую калужскую Жиздру никто не нарисовал. Смирный городок молчит. Вот только кошка мяукает на пожарище, до сих пор слышно.

ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Эта фотография памяти всех провалившихся наступлений и захлебнувшихся атак. Таких наступлений за четыре года войны были тысячи, атак миллионы. Это только в толстых, красиво

изданных, снабженных схемами и фотографиями мемуарах маршалов и генералов война состоит из осмысленных действий, правильных маневров, проведенных по плану окружений, мастерски исполненных прорывов. А на самом деле

война состоит по большей части из невнятицы боев, из кровавой каши окружений, из тупого битья лбом о неизвестную высоту, из приказов, которые не обсуждаются, потому что если их обсудить, то сразу станет ясно, что смысла в них нет. В первые дни войны будущий маршал Жуков прибыл на фронт и организовал решительное наступление на город Люблин. Девизом наступления было: «Рубить под корень!» Жуков собирался мощным ударом срубить под корень весь германский вермахт. Ничего не вышло, и он улетел в Москву, докладывать Сталину. А в залитых солнцем летних полях Западной Украины остались лежать тысячи красноармейцев — позабытые жертвы первого неудачного и тоже позабытого наступления...

Уже горел Брест, и немецкие мотоциклисты уже въезжали в Кобрин, и обочины дорог были усеяны трупами наших солдат — а в пятидесяти километрах от границы молодые веселые танкисты старательно выводили белой краской на башнях своих танков заветные слова: «На Берлин!» Кому-то Люблин в эти раскаленные дни 1941 года казался слишком мелкой целью, кто-то мечтал и верил в цель более крупную, которую Красная армия достигнет сейчас одним решительным рывком. И скоро танки пойдут на запад в заранее обреченном, бессмысленном наступлении и очень быстро будут сожжены вместе с молодыми веселыми танкистами.

Вся война — это бесконечный перечень вот таких неудавшихся наступлений и захлебнувшихся в крови атак. Война — это бесконечные ошибки генералов, которые то неправильно рассчитают собственные силы, то неверно оценят силы и намерения противника. Так Тимошенко летом 1942 года наступал под Харьковом, загоня в узкий длинный коридор свои войска и не чуя сгушавшийся день от дня запах близкой и большой катастрофы. Так командующий 33-й армии Гордов, желая выполнить приказ любой ценой, гнал свою армию на убой и приказа все равно не выполнил. И тысячи наших солдат с болтающимися за спинами вещмешками и мосинскими винтовками в руках кричали «Ура!» и бежали по горячей траве или заледеневшему снегу вперед, чтобы быть убитыми в многочисленных наступле-

ниях, которые оборачивались отступлениями, и в бесчисленных атаках, после которых никого не оставалось в живых.

Никто не имеет права верить в разумность, логичность и правильность войны. Нет на войне ничего разумного, логичного и правильного, и вся она состоит из хаоса разных степеней, из беспорядка разного калибра, из бардака, в котором тонут люди, батальоны, полки, дивизии и корпуса. И когда весь этот бардак, в котором танковые бригады теряются, как иголки, в котором гибнут батальоны, плутают по дорогам цистерны с горючим и бредут неизвестно куда одинокие, отбившиеся от частей солдаты, вдруг заканчивается катастрофой — тогда генерал, спланировавший эту блестящую наступательную операцию, молча сидит на стуле посреди комнаты, не зная, что сказать. Так молчал генерал Соколовский, когда комиссия, приехавшая из Москвы, расспрашивала его о причинах неудачи его фронта. Маленков спросил, а Соколовский в ответ опустил голову и долго молчал, и шли минута за минутой, а он все молчал и молчал. И так и не сказал ни слова.

И так до конца войны, до того дня, когда наши офицеры, засевшие в канцелярии Гимmlера, в бинокли и стереотрубы рассматривали близкое серое здание рейхстага с куполом, от которого остался один остов, и заложеными красным кирпичом окнами. Всего-то оставалось до него пройти триста метров искореженной, разбитой, простреливаемой со всех сторон площади. Но даже и тут, в последние часы войны, телефонные трубки и провода раскалялись от приказов «любой ценой» и «во что бы то ни стало». Любой ценой и во что бы то ни стало надо было как можно быстрее отметить этот серый трехэтажный дом хоть каким-нибудь красным флажком, чтобы можно было сообщить по начальству — из батальона в полк, из полка в дивизию, из дивизии в корпус и так далее вплоть до самой Москвы — что «наше знамя над рейхстагом!». И поэтому прежде штурма десятки человек из окруживших рейхстаг подразделений, подчиняясь приказу, бежали через площадь к еще занятому немцами рейхстагу с флагами и флажками в руках. Все они были убиты.

«Военный альбом», 1941 г.

СНАЙПЕР

Баранов С., «Военный альбом», 1944 г.

Вот так лечь за пригорок и лежать на холодной земле за кучей сушняка десять часов подряд, высматривая в оптический прицел ту сторону фронта. Там, в глиняном, укрепленном досками немецком окопе идет своя жизнь: слышны голоса, звяк котелков, под вечер раздаётся протяжный вой губной гармошки. Там и песни поют, свои. И медленно поворачивается в сушняке ствол мосинской винтовки, плавно движется на десять градусов влево и на десять вправо, выцеливая чей-то лоб, затылок или левую сторону груди.

Девушка в ушанке, лежащая на сырой земле за охапкой сушняка, хорошо знает правила своей работы. Именно поэтому она подняла ладонь в предупреждающем жесте. Пусть фотограф скорее уходит. Конечно, кадр сделан в момент, когда немцев поблизости нет: никакой снайпер не позволит снимать себя в боевой обстановке. Снайпер должен быть незаметен. Генерал Баграмян однажды пришел на поляну, где проходил съезд снайперов его фронта, и не увидел там ни одного человека. Хотя их съехалось 150. Но генерал увидел только кусты. Это и были замаскировавшиеся по всем правилам своей науки снайперы в маскхалатах.

Терпение в неподвижности — вот главное в работе снайпера. Описаны случаи, когда девушки-снайперы долгими часами выносили без единого звука и движения укусы туч комаров и ночью возвращались в землянки с распухшими багровыми лицами и посиневшими руками. Еще эта девушка-снайпер знает, что должна убивать с первого выстрела. И наверняка знает, что ни при каких обстоятельствах не должна попасть в плен.

Из уст в уста на фронте передаются рассказы о девушках, захваченных в плен со снайперскими винтовками в руках. Татьяне Барамзиной, которая, защищая блиндаж с ранеными, отстреливалась до последнего патрона, немцы выкололи глаза, воткнули в живот штык и выстрелили в голову из противотанкового ружья. Снайперская пара Наталья Ковшова и Мария Поливанова тоже отстреливалась до конца. Они были ранены и взорвали себя гранатами.

Имя девушки на фотографии неизвестно, известен только

год и фронт: 1944, 3-й Прибалтийский. Зато с уверенностью можно сказать, что она училась в ЦЖШСН — Центральной женской школе снайперской подготовки, что в поселке Силикатный, в трех километрах от Подольска. Довоенные занятия у девушек были совсем невоенные: студентки, лаборантки, воспитательницы детских садов, как они чувствовали себя, хладнокровно выцеливая и убивая человека? После первого убийства их мутит, тошнит, знобит. Потом привыкают.

Артиллерист, выпуская снаряд, не знает, кого убьет. Пехотинец, в суматохе боя выпуская очередь, знает только направление, в котором высылает смерть. Так же и летчик бомбардировщика, он отделен от жертв бомбометания несколькими километрами воздуха. И только снайпер отчетливо видит в прицел лицо своей жертвы, может рассмотреть веснушки на носу, беззаботно жующий вкусный ломоть колбасы рот, русую прядь на лбу. Снайпер — хладнокровный охотник на человека. Поэтому его так ненавидят те, на кого он охотится.

Девушкам на фронте труднее, чем мужчинам. Это солдат стригут наголо, а девушкам как обходиться со своими косами, челками и длинными волосами? Парикмахера на фронте нет. Летом девушки льют из ведер воду на головы друг друга, а еще они красят ногти зеленой кашицей из травы. Обратите внимание, как аккуратно и красиво уложены длинные волнистые волосы под ушанкой. И каким приятным маслянистым блеском отливает идеально-чистая, всегда в образцовом состоянии, снайперская винтовка с дальноточным прицелом.

Это очень трудная работа, вот так часами лежать в поле, высматривая малейшее движение, шевеление, цель. Надо взглядом обшаривать каждый куст, каждый пригорок, каждую ямку, каждое дерево. От непрерывного напряжения слезятся глаза. От долгой неподвижности затекают руки и ноги. От многих часов на холодной земле стынет тело. Не помогают ни ватные штаны, ни надетое под низ бязевое белье — длинные, до колен, трусы с завязками и такая же длинная рубашка. Согревает в эти холодные дни ранней весны только горячая пища. Когда ее привозят на передовую, то первым поесть дают разведчикам и снайперам.

Прощание на станции Пенн.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1948 г.

ВОЙНА ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

Безымянный американский офицер прощается со своей женой у станции Пенн. Это Нью-Йорк, лето 1943 года. Мировая война в разгаре. Два человека притянулись друг к другу перед тем, как расстаться. Сейчас он сбежит по лестнице к платформе, к вечеру будет на своей базе, в декабре сойдет с трапа в Англии, где накапливаются силы вторжения, и еще через полгода, пригибаясь и чертыхаясь, побежит под пулеметным огнем к трем деревьям на вершине французского холма.

Некоторые считают эту фотографию Альфреда Айзенштадта из журнала Life «военным гламуром». Ну да, все это так не похоже на тот образ войны, который транслируют нам из сороковых годов прошлого века наши фотографии. Наши деды и прадеды выглядели по-другому, а наши бабушки в 1943 году не носили таких модных притален-

ных пальто и не имели лакированных сумочек, купленных в магазине Woolworths.

Но это Америка. Война по-американски выглядит не так, как война по-русски. Офицеры на этой войне носили не телогрейки, а модные камуфляжные куртки. Американские десантники вечером перед высадкой получали не сухари, а пончики и горячий кофе. Король репортеров Эрнест Хемингуэй на войне пил хорошее вино и ночевал во французских отелях с красивыми названиями, а не в сырых землянках и крестьянских избах.

Но все это никак не умаляет наших союзников. Их офицеры так же поднимали солдат в атаку, как наши. Их танкисты тоже горели в танках. Кровь у людей всегда кровь, а смерть всегда смерть. И их усталые, небритые пехотинцы ели прямо из банок ту же американскую тушенку, что и наши солдаты.

Высадка войск союзников в Нормандии.

Тут многого не видно. Не видно армады бомбардировщиков, с низким гулом прошедшей над французским побережьем ранним утром 6 июня 1944 года; не видно коротких вспышек огня, вырывающихся из орудий главного калибра 23 британских крейсеров; не видно воткнувшихся носами в песок десантных катеров, с бортов которых сыплются в воду пехотинцы в касках; не видно темных, окрашенных женой пробкой лиц американских парашютистов, ночью ждущих посадки в самолеты. Здесь и не слышно многого. Не слышно гула английских самолетов, разбрасывающих над Па-де-Кале станиольные ленты, чтобы ввести в заблуждение станции передового оповещения немецкой ПВО; не слышно грохота орудий крейсера «Аугуста», на борту которого генерал

Брэдли, морщась, закладывает уши ватными тампонами; не слышно звуков волынки, на которой, стоя на мостике, играет капитан эсминца Маккензи; и еще не слышно щелканья зажигалки, от которой прикуривает сигару американский рейнджер, устроивший себе пятиминутный перекур у гусеницы танка «Шерман». Все в этом десанте устроено и продумано до малейших деталей. Прежде чем по трапам подниматься на десантные суда, солдаты глотали выданные им таблетки от морской болезни. У них с собой противогазы и толовые шашки, карманные фонари и фляги, шестовые подрывные заряды и ножи, сухофрукты и сигареты. Их триста тысяч человек на 6483 судах, и это только первая волна. Операция «Оверлорд» начинается.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1944 г.

Погрузка английских танков на суда, направляемые в СССР, 1942 год.

На пустынном, вымощенном брусчаткой и присыпанном снежком английском причале на транспортное судно грузят танки для Красной армии. Это средние танки «Матильда». Отличительные черты «Матильды»: фальшборта и — вон, видите? — вертикальные трубки на башне. Это гранатометы для запуска дымовых гранат. Таких танков в Красной армии было 918. Был в Красной армии и еще один английский танк, «Валентайн», была и американская машина с маленькой башней — «Шерман». В войне есть странные сочетания людей и событий. Англичанин Монтгомери и немец Роммель выясняли отношения всю войну. Они гонялись друг за другом на танках по ливийской пустыне, а потом столкнулись лоб в лоб в Нор-

мандии. Или немец Гудериан и наш Кривошеин. На фото, сделанном 22 сентября 1939 года в Бресте, они вдвоем принимают парад. Гудериан гладко выбрит и в длинной серой шинели, а Кривошеин с щегольской щеточкой усов и в новеньком кожаном реглане. Потом они чуть не встретились летом 1941 года, когда танкисты Кривошеина разгромили немецкий штаб в городке Пропойске, из которого Гудериан уехал 20 минут назад. Когда же в мае 1945-го генерал-лейтенант Кривошеин на танке въехал в Берлин, Гудериан его встретить не смог: уже был в отставке. И сам Кривошеин, и весь его 1-й механизированный корпус проехали по улицам Берлина на американских «Шерманах» и английских «Валентайнах». Корпус был укомплектован исключительно англо-американскими танками.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1942 г.

Работники одной из баз разбирают подарки, присланные бойцам Красной армии из США и Аргентины, 1942 год.

Подарки бойцам Красной армии посылал весь мир. Вглядимся повнимательней в те вещи и вещицы, которые сортируют девушки. Тут помазки для бритья и плитки шоколада, лосьон после бритья и зубная паста, одеяла и одеколн, крем для бритья Palmolive и банки с какао Nestle.

Но это не вся география и не весь ассортимент. Из Монголии слали полушубки, из Ливана оливковое масло. Иранский купец Рахимьян Гулам Гусейн отправил в Сталинград 3 тонны сушеного винограда в мешках. Солдаты вермахта таких трогательных подарков со всего мира не получали.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1942 г.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1944 г.

Передовые части американской армии. Полуостров Карентан, Франция, 1944 год.

Тот американец, что справа, затыкает правое ухо пальцем (левое не затыкает, на него он уже, видимо, оглох). Тот, что слева, инстинктивно отворачивается от изрыгающего грохот ствола. Тот, что на переднем плане, кричит «Let's go!», а может, и «Fuck you, Hitler!». Он кричит, и снаряд уходит в дымное небо войны.

Старый бельгиец Курт Ортман рассказывал мне, что осенью 1944-го лежал под одеялом вместе со своим папой в их холодном, нетопленном доме. Он был тогда маленьким мальчиком. Снаряд, выпущенный американцами, пробил стену дома, пролетел над лежащими под одеялом папой и сыном, сделал дыру в противоположной стене и улетел дальше, по своим делам, в гости к немцам.

«Студебекеры» — грузовые автомобили из американских поставок, 1944 год.

Вот она, промышленная мощь Америки, работающая на победу. Тысячи грузовиков «Студебеккер» стоят на огромном поле под Можайском. Этот трехосный грузовик имеет привод на все шесть колес и две коробки передач в шоферской кабине. У него тормоза с гидроприводом и вакуумным усилителем. Все это невиданные вещи для шофера, который еще вчера ногой в обляпанном глиной сапоге давил на перекошенную педаль полуторки. Реактивный миномет «Катюша», вошедший во все главы и части военного эпоса, на самом деле является здоровым

сочетанием русской идеи и американской техники. После 1943 года миномет монтировали исключительно на «Студебеккерах». Когда наступало время давать залп, команда миномета уходила, а в кабине оставались только шофер и командир. Шофер ставил тяжелый грузовик на задние домкраты, на ручной тормоз и еще выжимал до пола педаль тормоза. Потому что когда снаряды со страшным ревом начинали вылетать с направляющих, весящий почти пять тонн грузовик под действием отдачи так и норовил сорваться с места и пуститься в пляс.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1944 г.

Освобождение советских военнопленных из лагеря солдатами США, 1945 год.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1945 г.

У каждой нервной системы свои ограничения. Маршал Жуков, приехав во взятую нашими войсками Рейхсканцелярию, не пошел смотреть шесть детских трупов детей Гейбельса. Он счел, что это будет для него чересчур. Фельдмаршал Монтгомери, осматривая освобожденный немецкий кон-

цлагерь, почувствовал себя плохо, и его стошнило. На переднем плане этой фотографии счастье. Улыбаются все: американцы, наши и разноплеменные узники, выходящие из ворот концлагеря. Но что там, за их спинами? Бараки с неподвижными телами? Серый пепел и черепа в печах? Плац, на котором вешали?

Встреча американских солдат советскими воинами на восточном берегу Эльбы, 1945 год..

На восточный берег Эльбы прибывают американцы. Наши выставили вперед девушек с цветами. И снова: тут важно не только то, что есть на фотографии, но и то, чего на ней нет. А на ней нет двух бочек с водкой, приготовленных нашими, и поставленных под открытым небом столов

под белыми скатертями. Не видно тут и ответного визита наших на тот берег и бутылок коньяка, выставленных американцами. Но знаменитая, вошедшая в историю фраза уже возникает на губах одного из наших офицеров — может быть, вон того, что приветственно поднял руку: «Не пить в этот день было невозможно!»

ИТАР-ТАСС/Архив, 1945 г.

ИТАР-ТАСС/Архив, 1945 г.

12 июля 1945 года три маршала идут по Берлину.

Жуков иногда ходил по Берлину в кожанке и неузнанным вступал в беседы с красноармейцами. Но тут он в полной парадной форме и с красной лентой английского ордена Бани через грудь. В правой руке держит коробочку с орденом. Идет чуть вразвалочку, козырек фуражки надвинут на глаза, на лице выражение удовольствия и власти. Сам о себе он говорил, что за время войны проехал 174 тысячи километров и сносил, как башмаки, три самолета. Это он полтора месяца назад положил на зеленое сукно,

расстеленное на длинном столе в здании военно-инженерного училища в Карлсхорсте, акт о капитуляции и холодным взглядом глядел на Кейтеля, который шел к столу с моноклем в левом глазу.

Рядом с ним худощавый джентльмен в берете — английский фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери, виконт Аламейнский. В этом берете он высовывался из башни танка в африканской пустыне, и в нем же принимал капитуляцию немецких войск в своем полевом штабе. Немцы подписывали капитуляцию двухпенсовой ручкой, на солдатском одеяле, которое офицеры Монтгомери расстелили на столе. Этот тот самый курсант Монтгомери, который в военном училище прославился жестокими драками; тот самый лейтенант Монтгомери, который получил пулю в грудь на Первой мировой войне; тот самый генерал Монтгомери, который воевал повсюду — в Ирландии, во Франции, на Сицилии, в Италии, в Африке — и со всеми: с немцами, бедуинами, арабами, ирландцами, опять с немцами.

Справа от него шагает на своих длинных ногах маршал Рокоссовский, начавший военную карьеру с того, что ору-

Встреча советских маршалов с английским фельдмаршалом Монтгомери, 1945 год.

довал пикой в рядах драгун. В коллекции его орденов есть и солдатский Георгий, но сейчас он его не носит. Это ему на допросах в НКВД выбили зубы и поломали ребра, и это он и после войны всегда носил с собой пистолет: «Если за мной снова придут, живым не сдамся!» Маршал знает войны всем своим большим, высоким телом: он прополз поля Первой мировой как рядовой, а как генерал Второй мировой получил в бок крупный немецкий осколок.

Узнав, что немцы капитулировали, Рокоссовский объявил своему штабу о конце войны. Никто не сказал ни слова. Наступило долгое молчание. Потом офицеры вместе со своим командующим вышли во двор и долго курили, сидя на лавочках в саду.

Я люблю читать военные приказы. В них часто есть сухость и жесткость хорошей прозы. Но иногда в них появляется чувство, перехлестывающее через край. В последнем приказе Второй мировой войны, обращенном к своим солдатам, Монтгомери сумел сказать неммыслимо много, хотя и использовал очень мало слов.

«Счастья всем вам, где бы вы ни были».

СМЕХ

Я не знаю, что вызвало громкий и жизнеутверждающий смех этих семерых людей, на которых фотограф Борис Игнатович нацелил объектив своей «Лейки». Может быть, Игнатович — он возил в своем чемодане грампластины, набор сменных объективов и магний с бертолетовой солью для самодельной вспышки — только что рассказал этим семерым анекдот про Гитлера или анекдот про Военторг (таких была целая серия), а может, мальчик в телогрейке только что проорал диким голосом матерную частушку про фрицев и таким образом развеселил всю компанию. И вот парень в черной ушанке сияет белозубой улыбкой, и заливается смехом крепыш в съехавшей на ухо пилотке, и раздвигает в улыбке твердый негнувшийся рот мужик в кожаной кепке, и растягивает гуттаперчевые щеки долговязый молодой человек в камуфляже, с тонкой шеей и в шапчонке, у которой уши повязаны наверх. Мальчик-автоматчик в телогрейке, которая велика ему размеров на пять, тоже смеется вместе со своими взрослыми друзьями.

Вооружены эти семеро с основательностью людей, привыкших исполнять свои обязанности с большим толком. Стволы на их плечах суммарно составляют серьезную огневую силу. У них два пулемета на семерых: мужчина в кепке и рубашке с отложным воротником держит

за ствол танковый пулемет Дягтерева, который они, видимо, сняли с подбитого танка в каком-нибудь поле, а его друг в пилотке держит на плече пулемет «Максим», у которого снят защитный щиток. Это обычная практика войны: торчащий вверх щиток выдавал расположение пулеметчика и мешал таскать пулемет... Есть у них и оружие полегче: автомат Шпагина на груди парнишки и винтовка Мосина в руках у долговязого... Но смысл и загадка этого кадра, конечно, не в железе, а людях, не в оружии, а в лицах и душах. И мы продолжаем гадать: что же все-таки вызвало у них такой громкий, такой дружный смех?

— Мыкола, не ходи туда, мины там! — Чого? — Там мины! — Чого? — Там мины! Говорю тебе, мины там!!! Бах-бах!!! — Эх, Мыкола, Мыкола!!! — Чого? Так неспешно, с мягким белорусским акцентом, рассказывает этот немудреный анекдот фотограф Игнатович, нацеливая свою «Леечку» так, чтобы люди плотно занимали все пространство кадра. Это его метод, его стиль: избегать пустот. В кадре есть только немножко белого неба над головами и только чуточку горизонта, виднеющегося между стволами, прикладами и потертыми головными уборами. Фотограф Игнатович мастерски уловил в объектив подробности лиц, мимику и детали: рафинадом сияют зубы, и складки на коже лица отчетливы и резки, и взбухла жилка на длинной шее, и маленькие детские уши забав-

Игнатович Б., 1942 г.

но оттопырены кепкой. И чувствуешь тяжесть старой, ветхой, пропотевшей одежды, которая давно не была в стирке. И слышишь доносящийся с чернобелой фотокарточки смех, который возникает точно в тот момент, когда анекдот закончен и камера наведена. Щелк! Так смеются ребята на стройке или рабочие трамвайного депо у трамвая. Так смеются люди в приятном сознании дружбы и достойно сделанной работы. И как же они симпатичны в своем смехе, эти чернорабочие военных действий, держащие на плечах не отбойные молотки, а маслянисто поблескивающее железо разных калибров! Посмотрите на тяжелые, грубые, запыленные, плохо гнущиеся сапоги, которые они таскают третий год подряд, но для них в этом нет проблемы: они таскали их до войны и будут таскать после. Посмотрите на то, как одеты

в счастливом 1940 году, бросьте взгляд на отложной воротник рубашки, который когда-то шипящим утюгом отглаживала любящая жена, не упустите полинявшую ушаночку и широкие рукава телогрейки, в глубине которых прячутся маленькие руки с грязными пальцами. И на лица этих людей посмотрите еще раз, прежде чем попрощаться с ними, — вот как счастливо, легко и беззаботно могут смеяться люди на войне.

ХОЛОД В БИБЛИОТЕКЕ

Струнников С., ЦАОПИМ, зима 1942-1943 гг.

Холод и голод в военные годы были обычным состоянием человека. Я даже не говорю о фронте, где солдат часто умирал с пустым животом и мокрыми ногами, не говорю о крестьянах Челябинской области, евших лебеду, о жителях Казахстана, пухнувших от голода и евших траву, так же как не говорю о городе Ленинграде, который был подвергнут изощренной пытке холодом и голодом. Но даже если оставить за границами рассказа трагические, но отнюдь не редкие случаи смерти от истощения и гибели от недостатка тепла, то все равно останется ежедневная, рутинная, обычная жизнь тысяч людей с замерзающими руками, стынущими ногами и постоянной тоской в желудке.

Холодно было не только в разрушенных городах (их было в СССР 1710, включая поселки городского типа), холодно было и в столичной Москве. Отопление в домах в целях экономии периодически отключали. В квартирах зимой минус 2, люди спали в пальто, шапках, валенках. Но это еще хорошо. В январе победного 1945 года в редакции газеты «Правда» было минус 20, и редакция работала. Пальто не снимали, изо ртов редакторов вырывались облачка пара. Ретушеры в газете — а ретушь фотографий требует внимания и твердой руки — тоже сидели за столами в пальто и шапках, а на руках у них были перчатки с обрезанными пальцами. И они голыми пальцами придавали фотографическую красоту лицам вождей и героев.

Война уже шла к концу, но в Москве, где вечерами гремели салюты и торжественно поднимался тяжелый занавес Большого театра, в домах часто отключали не только отопление, но и электричество — с 8 утра до 5 вечера. А когда его не отключали, действовали лимиты. Лимит составлял 900 ватт на квартиру в сутки. Поэтому многие, боясь выйти из лимита (за это отключали без предупреждения), вечерами, садясь ужинать, зажигали не свет, а свечи.

В описаниях скупых завтраков, тощих обедов и жалких ужинов тех лет часто встречаются такие доскональные подробности, с которыми могут говорить о еде только голодные люди. Человеку, недоедающему месяцы подряд, на всю жизнь запоминается визит к другу, у которого был крошечный кусочек мяса, и он поделил его на двоих. Четыре ломтика колбасы на столе — куцы, каждый в 20 грамм — остаются в памяти именно как четыре ломтика, а не как колбаса вообще. Друзья, встречающиеся в холодной квартире на Солянке, запоминают, что на столе была котлета. Не котлеты, а котлета. И они чокаются рюмками с водкой над блюдечком, на котором лежит эта одна-единственная, чудом добытая котлета — и предпочитают долго смотреть на нее, а не быстро есть.

Это в Москве. В Ленинграде все было страшнее, мучительней, безнадежней. Но вот в этом осажденном, холодном и голодном Ленинграде двое людей спокойно и сосредоточенно работают в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Они хорошо подготовились для многочасовой умственной работы в условиях осады: надели теплые толстые пальто, а под пальто свитера. На столе перед мужчиной его варежки, шапка и два предмета, уже давно покинувшие наш обиход: чернильница и пресс-папье. Да и ручка с пером в его руке достойна музея. Но не вещи главное в этой фотографии, а лица. В лице женщины умиротворение и даже умиление, присущие тому, кто с сочувствием, пониманием и увлечением следит за Одиссеем в его путешествии на Итаку или за Герценом в его рассуждениях о характере буржуазии. В лице мужчины в круглых роговых очках сдержанная страсть исследователя. Прядь у него надо лбом выбилась и смешным изогнутым рогом торчит вперед, но он этого не замечает. Он делает выписки для своей работы на большом листе бумаги. Он так глубоко погружен в тему, что сейчас не помнит про голод и не чувствует холод, царящий в библиотеке.

БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО

Э то странно прозвучит, но на войне, где на каждом шагу кровь и смерть, было много музыки. Молодые офицеры Красной армии — лейтенанты двадцати двух лет, капитаны двадцати

четырех и майоры двадцать пяти — в свободные от войны часы в землянках, блиндажах, избах и просто в чистом поле слушали изящную мелодию «Рио-Рита», и танго «Брызги шампанского», и еще одно танго «Месяц спит», и Tonight ор-

кестра Марека Вебера, и Yanstep Эванса, больше известный как «Девушка из Мадрида».

Дважды Герой Советского Союза летчик-истребитель Виталий Попков имел в своей эскадрилье состоявший из летчиков джаз и сам играл в нем. Один из самолетов эскадрильи был украшен надписью «Веселые ребята», что было и общим названием молодой воздушной компании, и признанием в любви к Утесову. Другой летчик, младший лейтенант 189-го штурмового авиационного полка Юрий Давыдов, в своем дневнике, состоящем из коротких записей, упоминает о музыке чуть ли не через строчку: «Были танцы под джаз. Погода нелетная»; «Сегодня вечером был концерт».

«Без изменений. Вечером были танцы»; «Наташили приемников и слушаем музыку»... Может сложится впечатление, что двадцатидвухлетний лейтенант находится не на фронте, а развлекается в отеле «Метрополь». Но на самом деле такого впечатления сложится не может, потому что фразы о музыке перебиваются столь же короткими фразами о летчиках, не вернувшихся на аэродром. Самого Давыдова, который летал не очень хорошо и все время совершал ошибки в пилотировании, почти месяц не выпускали в бой, заставляя тренироваться на учебном Иле. В конце апреля 1945-го его наконец отправили в самостоятельный полет, он сделал два вылета и был сбит в третьем. Его дневник нашли рядом с самолетом.

Меломаны-офицеры возили с собой в чемоданах переносные патефоны Московского патефонного завода и Ленинградского граммофонного завода треста Главширпотреб, а также железные коробочки с запасными иглами. Возили они с собой и свои драгоценные коллекции пластинок. О, эти пластинки в белых бумажных конвертах, из толстой, негнувшейся пластмассы, с красными и синими ярлыками, украшенными серебристыми и золотистыми надписями! Чтобы устроить музыку, надо было поднять крышку патефона, с внутренней стороны, как правило, украшенную фотографией любимой девушки, положить на тяжелый диск с тонкой резиновой или фетровой прокладкой пластинку и осторожно поставить на нее большую, замысловато изогнутую, никелированную загогулину, оснащенную иглой.

И тогда раздавалось шипение, а вслед за ним дружно вступали трубы и скрипки оркестра.

Эта музыка и сегодня первыми же тактами задевает сердце и влечет в нежную лирическую даль. В танго и фокстротах того времени столько эротики и любви, столько тоски по большим городам, по сияющим в ночи окнам, по ландышам и сирени, по изящным женским силуэтам. Эта музыка исполнена невероятной тоски по романтическому Парижу и пылкой Латинской Америке, по всему тому огромному и прекрасному миру, который невозможен для лейтенанта, который лежит со своим патефоном под крылом самолета в ожидании, когда расчистится небо и его снова пошлют в бой.

А некоторые возили с собой по фронтам не патефон, а скрипку, гобой, аккордеон. Выпускники консерваторий, призванные в пехоту, когда представлялась возможность, играли для только что вышедших из боя рот, а бывшие учащиеся музыкальных школ, ставшие водителями танков, в немецких городках вытаскивали на улицу из оставленных хозяевами домов пианино и, сидя за инструментом в телогрейке, играли своим товарищам-танкистам веселые песенки.

Чувство недостижимой, прекрасной жизни усиливалось в молодых офицерах в те дни, когда непрерывной чередой шли дожди, и когда товарищи не возвращались с задания, и когда очередного друга с простреленной грудью, выбитым глазом или изувеченной ногой увозили в медсанбат. Однажды в такие дни молодой лейтенант Сурис, будущий советский искусствовед, находясь на полевом узле связи, поставил пластинку на свой переносной патефон и поднес телефонную трубку к патефону. Он всего лишь хотел порадовать знакомую девушку-телефонистку, но она, услышав музыку, быстро переставила провода в своей технике, создавая соединение. И благодаря ей музыку слушал теперь еще один знакомый офицер на передовой. Девушка все переставляла и переставляла провода в коммутаторе, создавая новые соединения, а когда пластинка кончилась, в гудении, шуме и треске полевой связи вдруг возник чей-то незнакомый далекий голос, который сказал: «Спасибо, ребята, а поставьте что-нибудь еще...»

Халип Я., ИТАР-ТАСС/Архив, 1943 г.

НАСТУПЛЕНИЕ

Вот она, пехота 1945 года. Это не те робкие, неуверенные в себе, еще не позабывшие мирную жизнь солдаты лета 1941-го, которых офицер с осиновым дрыном в руках учил ко-

лоть немцев штыком. Это не те быстро терявшие устойчивость подразделения, которые не выдерживали под Харьковом немецких танковых атак и отступали под Керчью перед противником, не имевшим численного превосход-

ства. И это не те по-юношески тощие самокатчики в майках и без единой винтовки, которые бодрой колонной, как пионеры на туристическую прогулку, ехали на велосипедах на фронт, чтобы быть раздавленными немецкими танками и расстрелянными немецкими автоматчиками.

Эти, которые так скульптурно и мощно застыли перед фотокамерой, совсем другие. К таким людям страшно не только подходить, на них страшно даже смотреть. Это мужики, вооруженные до зубов, которые в момент снесут со своего пути любое сопротивление. Опыт у них есть, и большой. Они уже подрывали гранатами немецкие танки, и резали колючую проволоку, и сносили немецкие черепа саперными лопатками, и выжигали врага из бетонных бункеров, и рвали на себя двери блиндажей и швыряли туда гранаты. Они перешагивали своими кирзовыми сапогами через немецкие трупы, лежащие на дорогах, так, как будто это разбросанный хлам. И что бы ни происходило — налет авиации, или приближение немецкой пехоты, цепью появляющейся из-за холма, или напозвание танка с крестами, тяжело покачивающего пушкой на ходу, — эти люди на все глядят без волнения и ни в какой ситуации не проявляют суеты.

Лица под касками темны и одновременно светятся. Углы губ опущены: они не улыбаются, даже позируя фотографу. На вооружении у большинства из них испытанный, привычный ППШ, но двое в первом ряду имеют в руках непревзойденный пистолет-пулемет Судаева — лучшее оружие диверсантов, разведчиков, партизан и фронтовых шоферов. Они держат автоматы со свободой людей, уже давно сроднившихся с оружием. В том, как они держат свои ППШ и ППС, нет ни скованности, ни напряжения, ни того легкого шика, который бывает в молодых офицерах. Один держит автомат в расслабленных, опущенных руках, словно забыв о нем, другой положил руку на приклад, чтобы

рука отдыхала, а третий держит сложенные ладони на вершине ствола, как будто это вершина трости, а не место, откуда вылетают пули.

Немцы, как написал один офицер в своем дневнике, даже в в конце войны воевали идеально, но всей их организованности, четкости и порядка не хватало на то, чтобы останавливать хотя бы на краткое время вот эту железную, страшную, не знающую пощады силу, ломящую через границы. Эта сила вышла за пределы обычного даже в военном деле, в котором полным-полно примеров преодоления. В Крыму Красная армия возвела огромный трехкилометровый мост через Сиваш, по которому прошла целая танковая армада. В непроходимых Карпатах саперы Красной армии снимали шпалы и таким образом превращали железнодорожную насыпь в дорогу, по которой меж двух долин двигались длинные колонны пехоты. Под Берлином советские истребители садились прямо на асфальт немецких шоссе.

Эта фотография передает не только настроение и характеры людей, она передает вещный мир войны. Прочностью, тяжестью и фактурой отличаются не только эти люди, но и их вещи. Чувствуешь запах кожаных ремней и портупей, ощущаешь приятную четкость погон на плечах, и ладони становятся холодными, чувствуя железо ствола. Вес имеют даже свисающие ремешки автоматов.

Они стоят на опушке леса сплоченной группой, и на лицах у них мрачная уверенность. Их не напугать ни танками «Тигр», ни «Мессершмиттами», ни шестиствольными реактивными минометами, ни частями СС с черепами в петлицах, ни мотоциклистами с установленными на колясках пулеметами. Свою работу превращения немцев в трупы они знают очень хорошо. И если сейчас такая вот компания, коротко перемолвившись парой слов и сразу все поняв, деловито и молча пойдет вперед, то ее никто не остановит.

Редькин М., 1945 г. Copyright © 2005 L. Borodulin

КРАСНОАРМЕЕЦ БУЛАТОВ

Взвод разведки 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии фотографируется на ступеньках рейхстага. Не только на этом фото, но и на многих других фотографиях, сделанных в майские дни 1945 года в Берлине, видны такие же красивые, молодые лица уверенных в себе и веселых людей, обвешанных автоматами, пистолетами, гранатами и орденами. Они знают, что война заканчивается. Они победили.

Армия, пришедшая в Берлин, уже не очень-то соблюдает требования устава в отношении одежды. Есть фото, на котором два командира двух полков в мае 1945 года позируют в телогрейках, и на голове у одного из них почему-то маленькая белая папаха. На этом фото командир взвода разведки лейтенант Семен Сорокин стоит на ступенях рейхстага тоже в далеком от уставных требований кожаном эсэсовском пальто. На переднем плане красноармеец Григорий Булатов, он в телогрейке. 30 апреля 1945 года

Булатов вместе с девятью другими бойцами разведвзвода (десятый, Петр Долгих, был убит на площади) ворвался в рейхстаг и выставил в окно первого этажа красное знамя. За несколько часов до этого, сидя в какой-то немецкой развалине неподалеку от центра города, лейтенант Рахимжан Кошкарбаев, посплюнявив химический карандаш, печатными буквами написал на красном знамени — бывшей немецкой перине, кстати — свою фамилию, фамилию сидящего рядом красноармейца и номера полка и дивизии. Григорий Булатов небольшого роста, он самый маленький во взводе. В рейхстаге лейтенант Кошкарбаев посадил маленького солдата со знаменем в руках на подоконник и сказал: «Ставь, Булатов!» Это было 30 апреля в 14 часов 25 минут. И вот сейчас, когда все уже позади, парень из затерянного в вятских лесах поселка Слободской Гриша Булатов с тихим, серьезным и задумчивым лицом стоит в центре Берлина, закинув за спину, стволом вниз, свой ППШ.

До сих пор идут споры о том, кто первый ворвался в рейхстаг и водрузил над ним красное знамя. Вряд ли удастся установить это с полной точностью. Десятки штурмовых групп — среди них группа капитана Макова из пяти человек, группа артиллеристов капитана Агеенко, группа майора Бондаря из четырех человек, Савенко и Еремин из батальона капитана Самсонова, разведчики 756-го стрелкового полка Егоров и Кантария с официальным знаменем № 5 — продвигались к рейхстагу с разных направлений и в разное время. Только официальных знамен, предназначенных для водружения над рейхстагом, было девять. Но были еще и самодельные — неизвестно их число — которые солдаты и офицеры делали по собственной инициативе. Знамена эти, попав в рейхстаг, появлялись то тут, то там, вывешивались в окна, прикреплялись к статуям, а ближе к вечеру и на другой день переставлялись выше и выше, вплоть до крыши и главного купола.

Поминутного распорядка, учитывающего появления многочисленных знамен в окнах простреливаемого насквозь рейхстага, не существует. Командиры, писавшие донесения, путались в часах и минутах, умышленно или неумыш-

ленно указывали разное время, один и тот же командир мог в двух донесениях об одном событии указать два разных часа.

Командир 674-го полка 150-й стрелковой дивизии подполковник Алексей Плеходанов (это он ходил по Берлину в телогрейке и папахе) в ночь с 29 на 30 апреля сказал своим разведчикам, что в войсках началась выдача официальных знамен Военного совета. «Но нашему полку этот жребий не выпал». Смиряться со жребием, считал командир полка, необязательно, разведчики могут и сами сделать себе знамя. Разведвзвод в этот момент находился в здании министерства внутренних дел, в канцелярии Гимmlера. Здесь в подвале, где в последние дни ночевали эсэсовцы, они сняли с кровати перину, распорили ее и покрасили в красный цвет. Откуда взяли краску — не знаю. Так же, кстати, несколькими днями позже поступил фотограф Евгений Халдей, который собственноручно нашел на красную скатерть вырезанные из желтой ткани серп и молот и забрался на крышу рейхстага.

Все они, те, кто стоит сейчас со светлыми лицами на ступеньках рейхстага, очень молоды. Булатову 19, его командиру Сорокину 23, Габидуллину 20, Провоторову (он слева на фото, с орденом Отечественной войны на груди) 24, чуть старше Орешко, ему 26. Он справа, на куртке у него висит фонарик, с которым он только что лазил в подвалы рейхстага.

Это Победа. Это последние мгновения войны. Дальше будет жизнь. Григорий Булатов, у которого на фотографии такое чистое и светлое мальчишеское лицо, вернется домой, в свой поселок Слободской, будет пить и бесконечно рассказывать про войну, получит от собутыльников прозвище Гришка-рейхстаг и не будет знать, куда девать три общих тетрадки, в которые он записал свои воспоминания. Он будет пытаться пристроить их в какой-нибудь журнал, но они нигде не окажутся нужными. В 1973 году бывший разведчик Григорий Булатов, вернувшись из Москвы с празднования Дня Победы, покончит жизнь самоубийством. Где сейчас три тетрадки с его рассказами о войне, я не знаю.

Капустянский А., «Военный альбом», 1945 г.

РЕГУЛИРОВЩИЦА

Ф

отокорреспондент Евгений Халдей и поэт Евгений Долматовский ехали по разбитому в пух и прах Берлину в открытом «Виллисе». В полутора

километрах от рейхстага, лихо работала флажками девушка-регулировщица. Фотограф выскочил из машины: «Ты откуда, красавица? — Из Воронежа!»

Халдей Е., ИТАР-ТАСС/Архив, 1945 г.

Идет день 2 мая 1945 года. Война иссякает. Берлин гудит танковыми моторами, ухаёт пушечными выстрелами, сквозь шелест шин и лязганье траков вдруг прорывается отчаянный, близкий к истерике, автоматный огонь. Еще идут отдельные, спорадические бои. Но еще сохраняющаяся опасность и близость смерти не могут погасить радостного возбуждения, которое сияет в этот день на лицах тысяч людей в гимнастерках Красной армии. Ротами, взводами, батальонами и даже отдельными, одиночными бойцами армия течет и течет к центру города, к рейхстагу. И туда же, к рейхстагу, подскакивая на кирпичках, лавируя между тяжелыми самоходками, облепленными пехотой, едут офицеры в открытых автомобилях.

Берлин уже наш. По городу расставлены указатели на русском языке. И даже вот воткнули в германский асфальт советский первомайский праздничный плакат. Девушки из 87-го отдельного дорожно-эксплуатационного батальона вышли на улицы и регулируют движение танков, самоходок, легковых машин и колонн пехоты.

Пока Евгений Халдей фотографирует, поэт-корреспондент Евгений Долматовский сидит в машине, держа свою палочку между коленей (по Берлину он ходил с палочкой). Он в расстегнутой шинели и в брюках-галифе. Вчера утром на командном пункте генерала Чуйкова он видел немецкого парламентария, генерала Ганса Кребса. Генерала пригласили к завтраку, и он, прежде чем вернуться к своим солдатам, запертым в рейхстаге, с аппетитом поел вместе с гостеприимными хозяевами сосиски и икру и выпил рюмку коньяка. Вечером он застрелился. Еще вчера в полутора километрах от того места, где сейчас фотограф Евгений Халдей, подняв свою камеру Leica, нацеливает объектив на смеющуюся регулировщицу, шел бой за рейхстаг: последняя мясорубка бесконечно долгой войны. Тяжелые танки ИС-2 вчера вечером, в туманных

сумерках, прошли к месту боя по мосту Мольтке. Пехотинцы, просочившиеся в здание, высовывали в пробойны заранее припасенные красные лоскуты, привязанные к стволам винтовок. Но если сейчас оттуда доносятся выстрелы, то это уже другие, неопасные, торжествующие выстрелы. Стоя на длинных ступенях перед высокими, изъезженными пулями, колонными, все новые и новые прибывающие к рейхстагу солдаты палят вверх из своих неизменных ППШ.

У красавицы из Воронежа румянец на щеках, русые волосы и зеленые глаза. В левой руке красной флажок, в правой белый. Как фуражка, съехавшая на затылок, держится на этих густых, буйных кудрях, понять невозможно. Но держится, не падает. За спиной у нее винтовка, на боку планшет, на рукаве повязка, широкий ремень туго перехватывает гимнастерку. Во всем облике девушки есть та военная лихость, которую нельзя сымитировать, а можно только выработать и воспитать в себе. Эта лихость дается как награда после сотни приступов страха во время артобстрелов, когда хочется вжаться в землю и спрятать свое тело поглубже в глинозем, эта лихость вырабатывается на фронтовых дорогах, где приходится взмахивать флажками под ругань усталых танкистов и мат отчаянных шоферов, и эта лихость подкреплена опытом трех лет войны и молодостью ее возраста.

Регулировщица ефрейтор Мария Шальнева стоит на фоне Апокалипсиса — в туманной пустыне торчат остатки домов — и смеется. Смеется, потому что ей, этой круглолицей воронежской деваче, весело и хорошо! Потому что флажки в руках новенькие, и ухажеров полным-полном, и солдаты, сидящие на броне танков, кричат ей что-то веселое, и офицеры, проезжающие мимо в открытых легковых машинах, отдают ей честь. И она взмахивает: проезжайте!

ГЕНЕРАЛ, СЕРЖАНТ, ЛЕЙТЕНАНТ

Шагин И., «Военный альбом», 1945 г.

Справа — генерал Карл Эмиль Вробель, начальник медицинской службы полиции Берлина. В генерале чувствуется точная, выработанная веками, процеженная сквозь самые мелкие ситочки, воспитанная в самой жесткой муштровке порода. Она во всем: во впалых щеках его худого лица, в его пря-

мой офицерской спине, в крупных голых ушах и во взгляде глаз, в котором волнения нет, а есть только холодное, меланхоличное спокойствие.

Генерал неспешен. В объектив он не смотрит. С таким лицом и с такой спиной он может сейчас пойти к стенке, где его расстреляют красноармейцы, а может пойти

и на завтрак в штаб к русскому генералу, где ему предложат сесть и нальют трофейного коньяка. Он ко всему готов, это видно по его длинной прямой фигуре и по его худому, породистому лицу. На фотографа он не просто не смотрит, он его демонстративно не видит.

На рукаве у генерала белая повязка. Возможно, это означает, что он парламентар.

Но и в нашем сержанте, который ниже генерала Вробеля на голову, тоже видна порода. Эта наша, родная, орловско-рязанско-московская дворовая порода так и дышит в его круглом, почти детском лице. Ряска у него здоровая и щеки налитые. Видно, что питается он хорошо. Сколько ему лет? Нет и двадцати. Он вырос во дворе, где мальчишки играли в расшибалочку и футбол, он умеет лихо сплевывать сквозь зубы, он наизусть знает игру в ножички, он еще не забыл, как играть в казаки-разбойники, быстро черкая белым мелком стрелки на дощатых стенах сараев, — но вдруг детство его кончилось, и вот он уже не во дворе, а на войне. Он уже сержант Красной армии, и он уже в Берлине и спокойно стоит рядом с высоким немецким генералом и смотрит в объектив. Сейчас фотограф щелкнет и опустит аппарат, и тогда он поведет генерала дальше по разбитым улицам немецкой столицы.

Вообще-то это довольно-таки лихой сержант. Май, а он в ушанке. На левом плече полоторванный погон. Где он его оторвал, лазая по каким развалинам? На шапке-ушанке нет звездочки, видно только место, где она была. А куда он ее дел? Трудно представить, что звездочка оторвалась и потерялась, но вполне можно предположить, что он сам отцепил ее с ушанки и подарил красивой девушке... по пути в Берлин. На поясе фонарик. Ворот гимнастерки у него раскрыт нараспашку, что не соответствует уставу; но какие уж тут уставы, когда сейчас май, и Берлин, и по-

следние уличные бои, и вообще такие дела?

Итак, вот сравнительный анализ воротников двух этих военных фигур, находящихся в разных точках жизненного путешествия. У генерал Вробеля ворот кителя с петлицами застегнут наглухо и подпирает узкий выбритый подбородок, а у сержанта распахнут, как у вольного человека, плывущего по волнам уже идущей к концу войны. Тут не просто различие в трактовке формы, тут разность возрастов, происхождений и настроений. Один, в элегантной генеральской шинели с широкими лацканами, замкнулся в от решении от жизни и готов принять все, что ему предназначено судьбой. Другой, в распахнутой на груди мятой гимнастерке, чувствует себя молодым королем жизни.

На заднем плане едва угадывается в размытом, нечетком далеке огромное здание с куполами и колоннами. Я недостаточно хорошо знаю Берлин, чтобы опознать его. Вокруг, в сером тумане, стоят обрубки деревьев. Эти деревья-инвалиды говорят нам о том, что тут недавно шел бой. На берегу маленького пруда стреляли из всех видов оружия. Может быть, после этого боя из домов с заложными кирпичами окнами и появилась длинная фигура генерала Карла Эмиля Вробеля в серой длинной шинели и с белой повязкой на рукаве.

Это первый немецкий генерал, которого видит в своей жизни круглолицый русский паренек с полоторванным погоном. Но это его никак не смущает.

За спиной мальчика-сержанта стоит лейтенант. Он постарше. Он не так вызывающе свободен, как сержант, но и закрепощенности в нем нет. Правую руку лейтенант заложил в карман. Пилотка на ухе. Ну подумаешь, немецкого генерала берут в плен! Эка невидаль. Мы и не такое видали. Он смотрит на всю эту сцену с уверенным, спокойным прищуром.

ФОТОГРАФЫ

«Военный альбом», 1945 г.

Фотограф Евгений Халдей сам кроил звезды, серп и молот, которые его дядя-портной нашивал на красную скатерть. Так они вдвоем в апреле

1945 года в коммуналке в Леонтьевском переулке изготовили три знамени, которые Халдей взял с собой в Берлин. Третье, последнее знамя он сфотографировал на рейхстаге, и этот кадр вошел в историю. Потом, через много

лет после войны, Евгений Халдей встретился с маршалом Жуковым, и тот удивился, что не помнит его лица. «Это потому что я все время держал у лица фотоаппарат», — ответил фотограф.

Ольга Ландер, фотокорреспондент фронтовой газеты 3-го Украинского фронта «Советский воин», однажды делала портреты солдат, отличившихся в бою. В этот момент началась немецкая бомбежка. В блиндаж Ольга Ландер влетела последней, а после нее в блиндаж влетела только бомба. Ее и всех остальных откопали, но только ее живой, а остальных нет. 31 декабря 1944 года в Венгрии навстречу ей вдруг валом повалили наши солдаты и офицеры, а она одна шла против движения. «Куда? Немцы наступают!» — крикнули ей, а она ответила: «Как бы не так!» И все равно добралась до редакции, в которой уже никого не было.

Наталья Боде, фотокорреспондент фронтовой газеты Юго-Западного фронта «Красная Армия», начала курить в тот день, когда немцы взяли Киев. В Киеве она оставила родителей и двухлетнего сына. Ее муж-фотограф погиб в 1941 году, и она сказала: «Я пойду на фронт за Борю!» В 1942 году у местечка Поньри она ползла в синем комбинезоне через пшеничное поле к подбитому танку «Тигр», чтобы первой из советских фотографов сфотографировать его. В своем вещмешке эта маленькая женщина хранила синее платье, в котором собиралась встретить Победу, но платье вместе с вещмешком сгорело в 1943 году в редакционном поезде, который подвергся бомбежке. Сгорело не только платье, сгорела половина вагонов. Наталья Боде в это время вышла прогуляться.

Михаил Калашников, фотокорреспондент «Правды», в конце марта 1944 года был застигнут немецким артобстрелом на одной из высот у Севастополя. Шел штурм Сапун-горы. В пяти метрах от Калашникова лежал, пере-

живая обстрел, другой фотокорреспондент, Самарий Гурарий. Он не получил ни царапины, а Калашников получил семь ранений и умер через полтора часа в госпитале. Фотокорреспондент «Правды» Сергей Струнников находился на аэродроме под Полтавой, где садились во время челночных бомбардировок Германии американские «Летающие крепости». До этого он работал в местах, которые казались куда опаснее: в Ленинграде, в Сталинграде... 22 июня 1944 года немцы нанесли авиаудар по аэродрому. Струнников и корреспондент «Правды» Лидов дисциплинированно ушли в убежище, а когда наверху все стихло, вышли наружу. Они не знали, что у немецкой атаки будет вторая волна. Их накрыло пяти-соткилограммовой бомбой.

Фотокорреспондент «Известий» Павел Трошкин прошел всю войну, а погиб в сентябре 1944-го в перестрелке с бендеровцами под Ивано-Франковском.

Фотокорреспондент «Красной Звезды» Абрам Слуцкий погиб в сентябре 1941 года под Киевом. Я не видел ни одной его фотографии. Может быть, он не успел их сделать, а может, не смог передать в редакцию из Киевского котла. Вот двое фотографов — Евгений Халдей и его товарищ, имя которого мне неизвестно, — у Бранденбургских ворот в Берлине. Войну, по одним сведениям, снимали двести фотокорреспондентов, а по другим — четыреста. Одни из них выжили, другие погибли. Работы одних теперь известны всему миру, работы других можно найти только в старых газетах и журналах. Фотографии некоторых фотокорреспондентов присутствуют на этих страницах, а фотографий других здесь нет. Но дело не в этом. Дело в том, что война с ее потом и кровью, с ее людьми и техникой, с ее грязью и гарью дана нам в сознание и память такой, какой ее увидели эти люди в видоискатели своих тяжелых и хрупких камер.

ПИВО

Малый С., «Военный альбом», 1945 г.

Что пьют на войне? Прежде всего, конечно, спирт. Но чистый спирт еще надо суметь достать. Это не всегда удается. В таком случае идут в употребление всякие смеси.

Если в спирт добавить валерьянку, получается коричневая дрянь, ни вкусом, ни градусом не похожая на коньяк. Но ее разливают по бутылкам и пьют под видом коньяка. Летчики пьют смесь спирта и глицерина, предназначенную для гидравлических систем самолетов. Эта жидкость имеет голубоватый цвет, и оттого ее называют то «Ликер «Голубой платочек», то «Ликер «Ту-2».

На войне пьют много даже те, кто в мирное время вел трезвый образ жизни. Иначе нельзя. Приехал комбат к соседу-комбату, тот налил. Пригласил генерал генерала на обед, как не выпить? Некоторые начинают с утра, ходят весь день поддатые. Есть на фронте генералы, у которых в широких галифе всегда припрятан огурец. Есть командиры авиадивизий, которые культурно, без мата, изъясняются перед строем со своими летчиками, каждый из которых знает, что генерал, как всегда, выпимши. Или вот танкисты — врываются на своих машинах в горящее село, а навстречу им из огня и дыма выходит веселый пехотный лейтенант, который каким-то чудесным образом их опередил и уже успел набраться...

В пехоте пьют сто грамм перед атакой, чтобы легче было вылезти на бруствер, с криком бежать вперед и втыкать штык в немецкое тело. В авиации если пьют, то вечером, перед сном, чтобы снять напряжение с нервов. Иначе спать не будешь. Вообще-то летчику лучше не пить, пилотаж в бою требует ясной головы, точного глазомера, идеально-го вестибулярного аппарата. Но некоторым асам все нипочем. Герой Советского Союза майор Китаев узнал как-то раз, что поблизости от аэродрома находится винный завод. Как не поехать? Поехал, погулял по заводу, посмотрел бочки и змеевики, послушал объяснения технолога, выпил спирта, а потом, чуть навеселе, решил штурмануть немецкий передний край. Там его и сбили, причем странным, редким образом: выстрелом с земли, из танка.

О фронтовом пьянстве ходят легенды. Например, такая: наши, взяв литовский город Шауляй, обнаружили на путях цистерны со спиртом. Гуляли хорошо. А в это время на вокзал вошел поезд с немецкими танками, танки спокойно разгрузились и выбили наших из Шауляя. Пришлось брать город еще раз.

Но это все на войне, а что пьют после войны? Звон соприкасающихся пивных кружек слетает с этой фотографии. Советские военные сидят в немецком кафе и пьют пиво. Среди них два офицера, один сержант в белой гимнастерке, а погоны еще двоих я не могу различить. Но это и не обязательно. Какие уж тут, в рабоче-крестьянской армии в июне 1945 года, могут быть сословные различия между чинами? Никаких. Все пьют со всеми. Это Победа. Посмотрите, как культурно эти пятеро сидят в зарослях зелени, на полукруглой скамейке, за маленьким столиком с каменной крышкой. Хорошо и витое железо, на котором покоится крышка. Перед ними аккуратная тарелка с сухими хлебцами и белая — да, да, белая! — пепельница. Такой изящно сервированный столик с хлебцами и пепельницей даже в виде галлюцинации не мог возникнуть в сознании изможденного солдата на многочасовом марше по чавкающей грязи в Белоруссии или в землянке с залитым водой полом на Украине. Мог ли представить себе эту белую ракушку-пепельницу тот, кто еще недавно делал жадную затыжку в окопе, держа сморщенный окурок двумя заскорузлыми пальцами с вьёвшейся под ногти грязью?

На фронте в ходу были исключительно крепкие напитки. Пиво на фронте не пили, его там просто не было, это напиток из другой жизни. И вот она наступила. И тихий звон пивных кружек, плывущий с этой фотографии, значит для меня не меньше, чем все другие, важные и общепризнанные звуки победы: торжественный звон колоколов, звук шагов, печатаемых на параде на Красной площади, и оглушительный, все покрывающий рев гимна, несущийся к земле из серебристого раструба репродуктора.

ПОБЕДИТЕЛИ

Халдей Е., «Военный альбом», 1946 г.

С утра только об этой игре и говорит Москва. «Динамо» против ЦДКА! Красно-синие против бело-голубых! Федотов против Карцева! И уже с трех дня начинается движение народа туда, на Ленинградку, к серой чаше знаменитого стадиона. За час до начала игры у стадиона «Динамо» густеет толпа. Идут на футбол молодые офицеры с орденами на груди, в свои двадцать пять лет избегнувшие ста смертей, идут на футбол скромные бухгалтеры, ныне сидящие в нарукавниках за счетами, а еще год назад пробивавшие дыры в немецкой обороне в составе штурмовых инженерно-саперных батальонов, идут на футбол токарь и слесарь с завода «Красный пролетарий», совсем недавно евшие из одного котелка кашу в окопах, идет на футбол интеллигентный студент-филолог в круглых очках, прекрасно знающий, как убивать в рукопашном бою, идут на футбол генералы с золотыми погонами, всего год назад оглушительными матюгами разгонявшие танковые заторы на военных дорогах. Это не просто люди идут на футбол, это идут на футбол те, кто выжил, кого не убили, кого не сожгли, кто не умер с голоду, кто не сгорел в танке, кто не врзался в землю в истребителе, кто не умер на операционном столе в прифронтовом госпитале, под скальпелем не спящего третьи сутки хирурга в марлевой маске и окровавленном кожаном фартуке.

И оттого, что все эти люди выжили и победили, воздух в овальной чаше стадиона сияет счастьем. ЦДКА или «Динамо»? Федотов или Карцев? Федотов, конечно, уже не тот, что до войны, играет больше в оттяге, раздаст пасы, но может и рвануть вперед и засадить в «девятку» с подъема. Карцев же быстр как никогда, летает по полю стремительно, за его рывками не успевает защита. И вот уже расселись на трибунах все эти веселые мужики с опытом жизни и смерти и в ожидании начала обсуждают шансы команд и травят друг другу байки. И вдруг по трибунам катится приглушенно-уважительное: смотрите... вон туда смотрите... вон кто приехал на футбол!

Летчик Иван Кожедуб, трижды Герой Советского Союза, ни разу не сбитый, сам сбивший в воздушных боях 19 «Юн-

керсов» и 16 «Мессершмиттов», идет по трибуне к своему месту. Последний раз он сбивал в апреле над Берлином. Это тот самый летчик, который горел, но умудрился потоком воздуха сбросить пламя с крыла. Это тот самый Кожедуб, который называл свой истребитель ЛА-5 «жеребцом» и имел среди достопримечательностей своего 176-го полка медведицу Зорьку и собачку Кнопку. Это тот самый знаменитый летчик, который вопреки всем инструкциям возил своего ординарца, сына полка и рижского мальчика Давида Хайта, с аэродрома на аэродром в фюзеляже самолета. И это тот самый Кожедуб, который украдкой целовал свой истребитель в крыло, после того, как самолет выносил его из страшных передраг в небе.

Сейчас он с женой Вероникой живет в тесной коммунальной квартирке в Монино. Чтобы попасть в их комнату, надо пройти через другую, в которой живет еще один летчик. Душа нет, в душ надо ходить в санпропускник воинской части. Но и пахнущий керосином примус на кухне, и душ в санпропускнике, и жареная картошечка на сковородке, и пара-тройка бутылок водки, распитые с однополчанами под шелест монинских лип, и вечерний футбол на «Динамо» — во всем этом теперь есть такой прекрасный мирный уют и такая счастливая радость наконец-то наставшей послевоенной жизни.

А если наутро после вечера с однополчанами молодая жена мягко упрекает его, то летчик столь же мягко поясняет ей ситуацию: «Три танкиста выпили по триста — гордый сокол выпил девятьсот». И в семье снова мир и любовь.

Поглядите на летчика-истребителя Ивана Кожедуба, такого героя вы никогда не видели! Весь блеск победителя на этом фото. Вот так, надел китель, тяжелый от звезд и орденов, и поехал на электричке из Монино в Москву. Фуражка с крылышками ВВС чуть набекрень, подломленная в середине «Беломорина» во рту. Волевое лицо лихого летчика-аса гладко выбрито, и твердый воротничок офицерского кителя подпирает твердый подбородок и облегает сильную шею. И сидит трижды герой Кожедуб не в почетной ложе, а просто на трибуне.

Темин В., ИТАР-ТАСС/Архив, 1945 г.

9 МАЯ

Это фото сделал 1 мая 1945 года фотограф Виктор Темин из кабины биплана По-2, пролетевшего над Берлином. За штурвалом биплана сидел летчик И. Ветшак. Это первая фотография, на которой видно, что рейхстаг взят. Крошечная черная полоска над куполом, загнутая вверх, — флаг Победы.

В то время у фотографа не было другого способа доставить фото в редакцию, кроме как прибыть в нее самому. Позднее возникла легенда, что Темин чуть ли не угнал личный самолет маршала Жукова, но это, конечно, не так. Главная газета страны «Правда» ждала исторического кадра. Поэтому из редакции позвонили маршалу авиации Фалалееву, и ВВС бережно сопроводили «Дуглас» с фотографом до самого «Внуково».

Посмотрите на фотографию подольше и повнимательней, не закружится ли у вас голова? Рейхстаг не стоит на месте, а медленно поворачивается вправо и вверх, туда, куда с натужным ревом мотора уходит По-2.

Знамя Победы над рейхстагом
1 мая 1945 года в Берлине.

До Берлина недалеко.

Два немолодых солдата остановились покурить на улице немецкого городка. За спинами у них не автоматы, а все те же безотказные мосинские винтовки. Тот, что слева, докурил самокрутку почти до пальцев, а тот, что справа, только сворачивает ее твердыми, не очень хорошо гнущимися пальцами. У него

орден на гимнастерке, а у его собеседника значок гвардии. Как к ним, этим немолодым людям в аккуратных пилотках, обращается их командир, двадцатидвухлетний лейтенант, что говорят им солдаты, годящиеся им в сыновья? Лейтенант, скорее всего, называет их по имени-отчеству, а солдаты говорят что одному, что другому: отец,

Морозов А., «Военный альбом», 1945 г.

Халдей Е., ИТАР-ТАСС/Архив, 1945 г.

На дороге.

Изображение смазано. Тому может быть много причин, вот одна из возможных: фотограф с камерой в руках поднялся на заднем сиденье стоящего на обочине «Виллиса», а шофер в этот момент дернул с места. Горит богатый, добротный дом. Какая у него огромная крыша, какие крепкие балконы! (Один из них уже занялся.)

Но солдаты на пожар не смотрят, для них это дело обычное. Они идут не строем, а вольной группой, как люди, уже давно втянувшиеся в работу войны. Еще холодно, поэтому все они в ушанках, хотя шинели уже сняли все, кроме одного. Тот, что слева, весь увешан оружием, а тот, что рядом с ним, специально делает шаг пошире, чтобы ступить своим заскорузлым сапогом на фашистский флаг.

Советские артиллеристы пишут на снарядах.

Вот так пишут письма снарядами. Артиллерист, стоя на колене, одной рукой придерживает снаряд, а другой держит папиросу, которой вообще-то рядом со снарядами лучше не быть. Он внимательно смотрит за работой товарища. А товарищ его, сидя на корточ-

ках, кисточкой старательно выводит буквы. Краска у него — обратите внимание! — налита в сахарницу. Лафет могучей 152-мм пушки частью тоже попал в кадр. Когда такая машина стреляет, посуда слетает со столов, окна дрожат, а уши на время теряют способность слышать.

Кнорринг О., ИТАР-ТАСС/АрхивРГАКФД, 1945 г.

Халдей Е., «Военный альбом», 1945 г.

Русские танки в Берлине.

Танки Т-34 входят в Берлин. Идут, соблюдая правильную дистанцию между машинами, с поднятыми люками. Немецкие женщины смотрят в даль улицы, пытаются понять, когда же закончится эта бесконечная танковая колонна и они смогут перейти на другую сторону. На той стороне, во дворах, за домами тяжелой архитектуры с выбитыми окнами, находится черный рынок, и они несут туда вещи на продажу. Худая женщина с тонкой шеей и пучком волос на затылке держит в руках пару туфель, а рядом с ней другая, у которой подмышкой меха, завернутые в белую тряпку. Свисает лиса или чернобурка...

Происходит обвал всей берлинской жизни. Вмиг обнищавшие, не знающего своего будущего жители разбомбленного города, в который входят все новые и новые части Красной армии, гадают, что с ними будет. Тысячи людей в Берлине собирают на улицах окурки, которые превратились в новую валюту. Ими можно расплатиться и с сапожником, и со стекольщиком, и с водопроводчиком. Нет еды, отопления, воды. Но худая женщина в черном пальто, с туфлями в руках, улыбается тонкими бескровными губами, глядя на танки. Потому что эти танки означают: ужасу конец! Войне конец!

Встреча.

На углу у магазина Berliner Bürger встрети- лась пехота с пехотой. Кто такие? Земляки? Друзья? Просто солдаты двух рот одного батальона, которые не виделись с той поры, как их часть вошла в Берлин и вступила в бой? Ох, и хо- роши усы у здорового дядьки в центре кадра! Ремень перехватывает его дюжую, ладную фигуру, а к ремню при- торочен диск то ли от автомата, то ли от ручного пулемета.

Над головами у них висит граненый фонарь — удиви- тельно, но стекла в нем целы — а позади них стоит обозная лошадь. И она из-за спин солдат тоже тянет голову в круг разговаривающих, словно хочет услышать те веселые сло- ва, что говорит лихой пехотинец, выставляющий вперед руку с поднятым большим пальцем. Это ты, земля, вчера канцелярию Гимmlера брал? Видели, слышали! Молодчина!

Бернштейн П., ИТАР-ТАСС/Архив, 1945 г.

Вот мы и в Берлине.

Шагин И., 1945 г.

Танкисты, въезжавшие в Берлин, с удивлени- ем видели, что в городе работают кафе и хо- дят трамваи. На броне танков солдаты уже наездили досыта, а вот проехать теперь на трамвае для них большое удовольствие. И вот они — в теплых шинелях, а некоторые и в перчатках, с ПППШ на груди и грустно-веселыми, трогательными лицами — садятся в трамвай 64-го маршрута, идущий составками: Ландсбергер-аллея — Александрплац — Шпиттельмаркт —

Лейпцигская улица. Они победители, но отчего-то в этих фигурах, забравшихся в пустой трамвай, есть что-то печаль- ное и немного сиротское, словно они дети, оставшиеся без взрослых в чужом, незнакомом городе. Или это оттого, что все они, втайне от самих себя, надеются, что этот странный трамвай вернет их в мирную жизнь, к любимым и близким? Кроме них, пассажиров нет. Все стекла в трамвае целы, и он даже украшен рекламой и маленьким гербом Берлина. Чудо, а не трамвай! Трогай, вагоновожатый!

Советские солдаты на улицах Берлина.

Берлин, говорите, останется немецким? Берлин уже окончательно и прочно советский, и надпись на стене не вызывает у веселых ребят с аккордеоном никакого раздражения. Им смешно и весело позировать на таком фоне. У сутулого солдата с хитрым лицом поперек груди висит обычный ППШ, а второй, полноватый, с круглой ряшкой, отъевшийся на армейской каше и американской тушенке, имеет

при себе лучшее оружие Второй мировой войны — ППС. А в центре группы, так картинно расположившейся в центре Берлина, стоит с аккордеоном молоденький офицер в кожаной куртке, застегнутой не на те пуговицы. Куртка скособочилась, и пола ее задралась. Но это ничего. На лице у певца выражение, которое когда-то называли уже забытым словом «духарное». Сейчас он будет петь! Выпил он перед этим сто грамм или даже двести — мы не знаем.

«Военный альбом», 1945 г.

Бойцы Красной армии празднуют победу у рейхстага.

1 мая 1945 года в в половине первого дня с аэродрома Альтено поднялись восемь штурмовиков Ил-2. Семь из них пилотировали Герои Советского Союза, а за штурвалом восьмого сидел дважды Герой. Они прошли над Берлином и в 12.45 появились над рейхстагом. Один из штурмовиков снизился, и из-за его посадочных щитков выскользнуло красное полотнище со словом «Победа» и серпом и молотом. Оно плавно опустилось на рейхстаг. Там в это время уже вовсю шел праздник. Весь он не вошел в кадр. Прямо на улице, стоя у своих машин, распивают бутылку откуда-то добытого французского шампанского танкисты в черных шлемах. Они разливают вино в жестяные помятые кружки, в которых отродясь не бывало ничего, кроме спирта и воды. Ходят по улицам солдаты

с аккордеонами и поют песни. То там, то тут раздается отчаянная пальба, которая ни у кого не вызывает страха: это, салютуя победе, вскидывают в воздух стволы автоматов солдаты и выбрасывают вверх руки с пистолетами офицеры. Некоторые люди на этой фотографии кажутся выпившими, и некоторые из них действительно выпили спирта, но переполняет их не спирт, а радость. Солдаты — кто в телогрейке, кто в плащ-палатке — залезли на карнизы. Машут руками, касками, самодельными флагами, хлопают в ладоши, бродят туда и сюда или просто стоят ошале, как вон тот, здоровый, с чубчиком на лбу и пилоткой в руке, на верхней ступеньке. Он похож на быка, не понимающего, что с ним происходит. И взлетает вверх на руках у своих солдат увешанный орденами капитан.

Морозов А., «Военный альбом», 1945 г.

Первый день мира.

Берлин уже взят, и у рейхстага уже отгремели все салюты, и уже ушли от него все те люди, что кричали, и стреляли в воздух, и обнимались, и пели, и плясали, и пили. Площадь, усыпанная горами битого камня, опустела, с нее ушли не только люди, но уползли с рокотом и недавно бывшие здесь танки и самоходки. Ушла и та, что смешила всех, потому что на башне у нее вместо привычного «На Берлин!» было написано «Боевая подруга». Война кончилась, и даже праздник окончания войны кончился. Начинается мир. Деревья стоят черные, голые, но живые. В небе пусто и тихо, и в нем не гудит, выискивая наземную цель, самолет. И тогда ранним утром, по безлюдным улицам Берли-

на, к рейхстагу приходит одинокий солдат с вещмешком за спиной и с автоматом на груди. Его старая шинель истрепалась, она вся в пятнах, полы грязные. Он не знает улиц Берлина, но это его не смущает, он находил дорогу и не в таких местах. Обратите внимание, он не пострижен наголо, а привилегией не стричься наголо пользовались в Красной армии немногие: например, приближенные к начальству ординарцы, штабные писари. Но он явно не из них. Еще разведчики. Так что, может быть, он полковой разведчик. Солдат закладывает руки в глубокие карманы своей толстой, теплой, грязной шинели и долго стоит на краю площади перед рейхстагом, уверенный в себе, тихий, как все вокруг, задумчивый.

Автор фотографии на обложке книги —
Б. Вдовенко

Автору книги неизвестны фамилии фотографов,
сделавших следующие фотографии: Отступление, Солдат,
Пленный, Разведчики, Грязь, Бутылка Качугина, Сапоги и валенки,
Любой ценой, Фотографы.

Также не известна большая часть авторов фотографий,
вошедших в главы «22 июня», «Война по ленд-лизу» и «9 мая».

От издателей.

Мы добросовестно искали,
но не всех авторов снимков в этой книге нашли.
Помогите, напишите, откликнитесь.
Имена людей, которые ПРОЯВИЛИ нам войну, надо знать.

**Издание осуществлено при поддержке ГУП «КБП» –
Государственное унитарное предприятие
«Конструкторское бюро приборостроения»**

Поликовский А. Братья и сёстры. Образы и символы Великой Отечественной. – М.:
Типография «Август Борг», 2011. – 96 с.
Подписано в печать 01.08.2011. Формат 205x210. Тираж 500 экз. Заказ Заказ № 111724.

